

Консуэло де Сент-Экзюпери

ВОСПОМИНАНИЯ
РОЗЫ

Консуэло де Сент-Экзюпери Воспоминания розы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6700284

Консуэло де Сент-Экзюпери. Воспоминания розы: КоЛибри, Азбука-Амтикус; Москва; 2014

ISBN 978-5-389-08008-9

Оригинал: Consuelode Saint-Exupéry, "MÉMOIRES DE LA ROSE"

Перевод:

Наталья Ю. Морозова

Аннотация

Консуэло де Сент-Экзюпери (1901–1979) была женой великого автора «Маленького принца» и «Планеты людей». Ее живописью и скульптурой восхищались Метерлинк, д'Аннунцио, Моруа, Пикассо. Воспоминания Консуэло о муже написаны со свойственным ей экспансивным изяществом. Рукопись книги долгие десятилетия оставалась тайной архива, и только на рубеже веков разрешение на публикацию было наконец получено.

«Когда я лечу среди звезд и вижу вдали огоньки, я говорю себе, что это моя маленькая Консуэло зовет меня...» – писал Антуан де Сент-Экзюпери о своей любви к прекрасной Консуэло Сунсин. Красавец и герой, аристократ и воин граф де Сент-Экзюпери влюбился с первого взгляда. Друзья восторгались Консуэло, называя ее «маленьким сальвадорским вулканом». Эта книга – драматичная и захватывающая история совместной жизни двух талантливых людей с необузданными, взрывными характерами. Именно Консуэло стала прообразом прекрасной Розы из «Маленького принца».

В 1995 году в Великобритании был снят фильм «Сент-Экзюпери», посвященный истории этого мучительного и счастливого брака.

Содержание

Предисловие	5
1	11
2	15
3	20
4	25
5	30
6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Консуэло де Сент-Экзюпери Воспоминания розы

Я долго сомневался, прежде чем предать гласности факт существования этой рукописи. В двадцатую годовщину смерти Консуэло и столетнюю – со дня рождения ее мужа, Антуана де Сент-Экзюпери, я решил, что настало время почтить ее память и вернуть ей то место, которое она всегда занимала рядом с человеком, написавшим, что он построил всю свою жизнь на этой любви.

Хосе Мартинес-Фруктуозо, наследник Консуэло де Сент-Экзюпери

Этот текст написан по-французски, хотя родным языком Консуэло де Сент-Экзюпери был испанский. Ее наследники и издательство «Плон» благодарят писателя Алена Вирконделе, автора эссе о Сент-Эксе, за восстановление – там, где это было необходимо, – правильного синтаксиса. Названия главам даны издателем.

Предисловие

«Между Первой и Второй мировыми войнами, – рассказывает колумбийский писатель Херман Ариньегас¹, – все говорили о Консуэло как о маленьком сальвадорском вулкане, чье пламя лизало крыши Парижа. Не существовало ни одной истории о ее первом муже Энрике Гомесе Каррильо² и втором – Антуане де Сент-Экзюпери, где речь не шла бы о ней. Выйдя замуж за Гомеса Каррильо, она подружилась с Морисом Метерлинком, Мореасом, Габриэле д'Аннунцио. В 1927 году она овдовела, а в 1931-м вышла замуж повторно – за Сент-Экзюпери. Ее друзьями стали Андре Жид, Андре Моруа, Дени де Ружмон, Андре Бретон, Пикассо, Сальвадор Дали, Миро... Там, где жила чета Сент-Экзюпери, всегда собирались летчики и писатели. Андре Моруа гостил у них, когда Сент-Экзюпери писал книгу, которая и сейчас продолжает свое триумфальное шествие по всему миру, – «Маленького принца». После ужина гости усаживались играть в карты или в шахматы, потом Сент-Экзюпери предлагал всем отправиться спать, потому что собирался работать. Однажды ночью Моруа услышал на лестнице крики: «Консуэло! Консуэло!» Обезумев от страха, он выскочил из комнаты, думая, что в доме пожар, но, как оказалось, это всего лишь проголодавшийся Сент-Экзюпери просил жену поджарить ему яичницу...

Если бы Консуэло могла описать все эти мелочи их повседневной совместной жизни в присущем ей стиле – живо и забавно, все бы с уверенностью заключили, что именно она была Музой писателя. Она была художницей, скульптором, успешно и талантливо писала, но своими воспоминаниями... делилась устно».

* * *

Теперь-то мы знаем, что Ариньегас напрасно беспокоился. Через пятнадцать лет после встречи с Сент-Экзюпери в 1930 году Консуэло, томясь одиночеством в Америке, рассказала о своей жизни с летчиком-писателем, исписав размашистым наклонным почерком множество страниц и испещрив их пометками. Потом она аккуратно перепечатала их на машинке на тонкой бумаге и не очень умело переплела в толстый черный картон.

«Воспоминания розы» – последняя выходка «экзотической птички».

* * *

Идет 1946 год. Консуэло тоскует по Франции, но не решается туда возвращаться, опасаясь сложностей с наследством. Она стремится жить в стране, где говорят по-испански, и подумывает в связи с этим о Пальма-де-Мальорке, «в память, – как она выражается, – о Жорж Санд и Альфреде де Мюссе», этих знаменитых «анфан террибль».

С момента исчезновения Сент-Экзюпери в июле 1944 года Консуэло ведет в Нью-Йорке довольно замкнутый образ жизни. Она оформляет витрины магазинов и живет воспоминаниями о своем Тонио. Тяжело носить траур по непохороненному мужу, страдания

¹ Из интервью латиноамериканской газете, июль 1973 года. Ариньегас был также послом Колумбии во Франции. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прим. французского издателя.)

² Энрике Гомес Каррильо (1873–1927) – дипломат, писатель, кавалер ордена Почетного легиона. Родился в Гватемале; в 1898 г. стал консулом Гватемалы в Париже, в 1916 г. – главным редактором газеты «Либераль» в Мадриде, в 1918 г. – консулом Аргентины в Париже; в 1926 г. женился на Консуэло Сунсин, после брака с Авророй Кассерес (1906) и с Ракель Меллер (1919). Автор многих книг, среди которых «Евангелие любви» и «Жизнь и смерть Маты Хари». Похоронен на кладбище Пер-Лашез в Париже, Консуэло де Сент-Экзюпери покоится рядом с ним.

от его отсутствия еще тягостнее. Она записывает обрывки воспоминаний, что-то наговаривает на диктофон, печатает на машинке отредактированные главы, в которых ее латиноамериканская экспансивность бьет через край, «воссоздает» лицо Тонио другими средствами – в камне и в глине. Еще она рисует его – карандашом, углем, акварелью. Мечтает вернуться в огромное поместье Ла-Фейре, арендованное Сент-Экзюпери незадолго до бегства 1940 года, а ныне заброшенное. Консуэло хочет найти там «портрет отца, матери, твой портрет».

Консуэло разговаривает с ним. По ту сторону океана, в Европе, исчезновение Сент-Экзюпери превратило его в легенду. Из него сотворили миф, он стал ангелом, архангелом, Икаром и Маленьким принцем, вернувшимся на свою планету; герой неба растворился в просторах космоса. В этом мифе для Консуэло не было места – она оказалась в тени, ее словно не существовало, хотя в руках у нее остались ключи ко многим тайнам. Едва ли Консуэло могла украсить собой легенду, слишком уж не вписывалась она в героическую и аристократическую историю Сент-Экзюпери. Консуэло досталось и от биографов, мало знавших о ее жизни: они либо просто игнорировали ее, либо считали эксцентричной дурочкой, с которой пренебрежительно обходились и родные писателя (за исключением его матери, Мари де Сент-Экзюпери), и их ближайшие друзья («опереточная графиня», «взбалмошная и капризная особа», «болтушка, плохо говорящая по-французски»). Консуэло предстает с их слов женщиной-вещью, флиртующей кокеткой. Короче говоря, она, если можно так выразиться, вносила в миф беспорядок.

1944–1945. У Консуэло, по ее собственным словам, «не слишком бодрое настроение». Но искусство ожидания она освоила уже давно, ведь она только и делала что ждала, с тех пор как вышла замуж за Сент-Экзюпери. Вероятно, самые тяжелые часы ожидания начались для нее с марта 1943 года, после того как он ушел на войну. «Ваше желание сильнее всех мировых сил, вместе взятых, я ведь хорошо знаю своего мужа. Я всегда понимала, – рассказывает она в неизданном вымышленном диалоге с Сент-Экзюпери, – да, я всегда понимала, что вы уйдете. – И добавляет: – Вы хотели очиститься в этом потоке пуль и снарядов».

1944–1945 – для Консуэло это время подводить итоги, возвращаться к существованию на первый взгляд беспутному, божественному, «артистическому», каким нам представляется мир искусства тридцатых годов. А также время выживания, «достойного» Тонио. Консуэло должна подыскать новое жилье, найти источник средств к существованию, снова принять на себя роль вдовы. В любом случае не время для слез. «У меня не осталось их больше, любовь моя», – пишет она. Как преодолеть скорбь? «Вы вечны, дитя мое, мой муж, я ношу вас в себе, как Маленького принца, мы неприкосновенны. Неприкосновенны, как все, кто исполнен света». Консуэло оказалась не готова защитить себя в семейных и издательских дразгах. С детства она сохранила слегка наивную и доверчивую непринужденность, которая не имела ничего общего с беспринципностью европейцев, она не была склонна к интригам... К тому же с Сент-Экзюпери она привыкла к жизни, свободной от любых ограничений и социальных условностей, к жизни, которая как нельзя лучше подходила ее бесшабашной, чувствительной и несдержанной натуре. Поэтому и теперь она поступала как умела – двигалась вперед интуитивно и так же, по наитию, устраивала свою новую жизнь.

Мощные ключи энергии, жизненной силы били в ней с самого детства, проведенного в Сальвадоре, где она родилась в 1901 году. Ранние годы ее, так же как у Сент-Экзюпери, прошли в единении с природой. Детство, проведенное в мечтаниях и фантазиях, было украшено ее воображением – Консуэло оказалась прирожденной сказочницей: она «ворковала», она «щебетала», она очаровывала, ниспровергая действительность и преображая ее в сказки. Она умела вышивать по канве реальных событий, заново выдумывала свою жизнь, и Сальвадор, с его выжженной землей, вулканами и землетрясениями, превращался в волшебную страну. Там она была богиней. В минуты спокойной и счастливой жизни Сент-Экзюпери постоянно заставлял Консуэло рассказывать о Сальвадоре, о том, как маленькой девочкой

она играла с индейцами на кофейных плантациях своего отца среди банановых деревьев. «Расскажи мне историю о пчелах», – просил он, совсем как Маленький принц просит: «Нарисуй мне...» И Консуэло рассказывала. Сент-Экзюпери говорил ей: «Когда я лечу среди звезд и вижу вдали огоньки, я не знаю, то ли звезда в небе, то ли лампа на земле подает мне знаки, и тогда я говорю себе, что это моя маленькая Консуэло зовет меня, чтобы рассказывать свои истории, и я лечу на эти пятнышки света».

Консуэло не рассталась с детством, именно оно помогало ей пережить самые тяжелые моменты: измены Сент-Экзюпери, его отсутствие, авиакатастрофы и, наконец, исчезновение. Она тоже могла бы сказать: «Я родом из детства».

Ее характер – необузданный, несдержанный, взрывной, или «барочный» – в том смысле, который вкладывают в это слово великие писатели ее континента Борхес, Кортасар, Маркес, – оказался находкой для Сент-Экзюпери. Консуэло внесла поэзию в его жизнь, он существовал на одной волне с ней, богемной и взбалмошной. Оба они обладали аристократической независимостью духа, способностью превращать жизнь в легенды и сказки.

Воображение и сила духа спасли Консуэло от беспросветного отчаяния после смерти Сент-Экзюпери. Она начала писать воспоминания. Встреча в Буэнос-Айресе, скоропальительная помолвка, знакомство с семьей, свадьба, переезд в Париж, супружеская жизнь, трудности существования с Сент-Экзюпери, его донжуанские похождения, его нежность при возвращении, переезды, бродячая жизнь, авиакатастрофы, книги и успех, бегство от войны и жизнь в деревне Оппед в Воклюзе, отъезд в Нью-Йорк, огромный белый дом и одиночество в чужом городе, прощание с Тонио, уходящим на войну, и ровные серые воды Гудзона, в толще которых плывет субмарина, уносящая его навсегда...

Она написала свои воспоминания на одном дыхании, с тем экспансивным изяществом, которое сквозило во всем, что делала Консуэло. В них она предстает импульсивной и влюбленной, наивной и покорной, мятежной и энергичной, преданной и неверной, выносливой и павшей духом. Она пишет как говорит, как еще заговорит перед смертью, вернувшись к этим событиям и надиктовав несколько магнитофонных кассет, которые сохранили для нас ее голос. Голос сказочницы, сравнимый по акценту и манере говорить с голосом Сальвадора Дали, с которым она подружилась в Нью-Йорке. «Мне очень тяжело, – признается она, – рассказывать о моей личной, домашней жизни с моим мужем Антуаном де Сент-Экзюпери. Я считаю, что женщина никогда не должна говорить об этом, но я вынуждена сделать это перед смертью, потому что о нашей семье болтают всякие небылицы, и мне не хочется, чтобы это продолжалось. Хотя воспоминания о трудных моментах, которые случаются в каждой семье, причиняют мне боль. Когда священник во время венчания говорит вам, что вы будете вместе и в горе, и в радости, это действительно так».

1946–1979. Вся ее жизнь с Сент-Экзюпери, все ее бесценные сокровища – письма и документы, наброски писателя, акварели, портреты, выполненные синим карандашом, рисунки к «Маленькому принцу», старые театральные программки, ресторанные меню, изрисованные детскими фигурками, телеграммы, географические карты, открытки и рукописи, стихотворения и неизданные тексты, патенты и тетради с математическими расчетами – легли в огромных чемоданах в трюм парохода. Так они пересекли Атлантику. И хранились в подвале парижской квартиры Консуэло. Никто ни разу не открывал их, оберегая тайну погребенного архива.

Несколько раз в старости она возвращается к прошлому, решается заглянуть в тайные хранилища. «Я не могу открывать их без дрожи, – пишет она. – Папки и шкатулки, где сложены письма моего мужа, его рисунки, его телеграммы... Эти пожелтевшие бумаги, разрисованные цветочками и маленькими принцами, – верные свидетели потерянного счастья, дары и милости которого я с каждым годом ценю все больше и больше».

Вернувшись во Францию, она жила в Париже и в Грасе. Получила известность как скульптор и художник. Много времени посвящала увековечению памяти Сент-Экзюпери. Как графиня де Сент-Экзюпери, вдова писателя, погибшего за Францию, она присутствовала на всевозможных мероприятиях, торжественных церемониях, чествованиях, но только потому, что считала это своим долгом, а не потому, что ей это нравилось. Консуэло никогда не любила светской жизни, ее условностей и обязанностей. Она предпочитала помнить о том, что написала Сент-Экзюпери незадолго до его гибели, в конце июня 1944 года: «Вы во мне, как росток в земле. Я люблю вас, вас, мое сокровище, вас, моя вселенная». И его ответные слова, что им хорошо и покойно, словно двум деревьям, которые сплелись в густом лесу. Раскачиваться на одном и том же ветру. Вместе наслаждаться лучами солнца, луной и пением птиц. На всю жизнь.

После смерти Консуэло в 1979 году легендарные шкапулки и папки перешли к ее наследникам. Но пароходные чемоданы так и не были открыты. Они отправились в сельский дом в Грасе, где пролежали еще несколько лет. Мало-помалу наследники разбирали их и открывали миру. В 1999 году, к столетию со дня рождения Сент-Экзюпери, документы передали мне для изучения. Так воскресли «Воспоминания розы», переписка супругов, заботливо микрофильмированная Консуэло в Америке, черновики «Маленького принца»...

Консуэло ожила. Та, что долго была в забвении, появилась снова. Можно сказать, что ее невиновность доказана. Этот тайный диалог, который никогда никто не читал, раскрывает их историю под неожиданным углом, восстанавливает истину – в неистовой силе страсти, во всей ее сложности.

Отношения между Консуэло и Сент-Экзюпери служат основой для понимания писателя. Стал бы он тем же Сент-Экзюпери без Консуэло? Эти документы приоткрывают его человеческие слабости. Что с того, если картина пойдет трещинами, словно тонкий слой воска, покрывающий лики набальзамированных святых? Если портрет будет не совсем таким, каким его написали для вечности?

Немногие биографы поняли историю этого союза и его влияние на Сент-Экзюпери, им не хватало главных элементов. Никто не подозревал о тайне этих отношений. Прочтите «Воспоминания розы» и восполните пробелы. Прочтите эту книгу разгадок. Книгу об ожидании, прежде всего.

Книга начинается с ожидания, им же она и заканчивается. Все эти страницы – история мужчины, который уходит и исчезает, ускользает и отдаляется, пускается в бегство и возвращается, ищет себя и не находит. В центре – стремление любить и, главное, быть любимым, отношения с матерью, защитницей, покровительницей рода. Этот памятный с детства образ верности и постоянства становится его навязчивой фантазией, переносится на остальных женщин. Не на всех: существуют идеальные женщины и «цыпочки», всякие там Габи и Бетти, «попугаихи», как называет их Консуэло.

В глубине души Сент-Экзюпери всегда лелеял образ идеальной женщины – хранительницы очага, богини земли, христианский архетип женщины, преданной и покорной. Вопреки всему тому, что о ней говорили, Консуэло не была легкомысленной или взбалмошной. Родители растили ее в строгости, мать, по ее собственному признанию, обращалась с ней сурово, воспитывала в дочери уважение к религии и набожность. Выйдя замуж за Сент-Экзюпери, стала ли она образцом супруги, о которой он мечтал? Консуэло отвечает на этот вопрос в своих воспоминаниях: она старательно играет свою роль, приводит в порядок его одежду, собирает чемоданы, присматривает за тем, чтобы он правильно питался, обставляет его рабочее место и убирает кабинет, и главное – ждет. Долго и прилежно Консуэло учит свою роль. Ее темперамент иногда не выдерживает, и Консуэло начинает говорить, в то время как Сент-Экзюпери требует тишины, чтобы писать и размышлять. И когда она открывает рот, строй ее речи оставляет желать лучшего.

А ему и не надо большего, чтобы отдалиться от нее. Он доверчив – прекрасная мишень для недоброжелателей, легкая добыча для поклонниц. Он любит – и не скрывает этого – жить так, как ему нравится, поступать так, как вздумается, никому не быть обязанным, оставаться абсолютно свободным. Однако его воля к свободе сталкивается с зависимостью, глубоко укоренившейся в нем. И вот начинаются мольбы на мотивы жалобных песен, возвращаются идеальные образы Консуэло: Консуэло, расцветите к моему возвращению... Консуэло, мой маленький благословенный огонек... Птенчик мой, сохраните дом в чистоте... Соткните мне плащ из вашей любви... Консуэло, моя сладкая обязанность...

Странное существование Сент-Экзюпери обрекает его на эти метания, он обретает свободу только в одиноком ночном полете или же в фанатичном желании сражаться за родину. Только вызов смерти, готовность к мукам бередают его чувства. Борьба, дружба, честность, патриотизм, жертвенность, полет, символизирующий очищение, – все это этапы, освобождающие его от эмоциональных пут, пленником которых он был всю свою жизнь. Книга воспоминаний Консуэло прекрасно объясняет этот трогательный и мучительный поиск.

Их совместная жизнь – цепь разрывов и воссоединений на фоне опасных полетов, переездов и семейных сцен, истерик, криков и молчания, идиллических мгновений в поместье Ла-Фейре, – Консуэло хочет сохранить очарование этого дома а-ля Моне. Но никогда эта любовь по-настоящему не угасала. Усталая и опечаленная Консуэло, не утратившая своей экзотической прелести, принимает знаки внимания от других мужчин – архитектора Бернара Зерфюсса, который воспылал к ней бурными чувствами, Дени де Ружмона, жившего неподалеку от супружеской четы в Нью-Йорке и ухаживавшего за Консуэло (единственная месть Антуана – он обыграл своего соперника в шахматы!). У них она ищет утешения после исчезновения мужа. Страсть Антуана и Консуэло, достойная пера Расина, может существовать только в подобном напряжении чувств и в бесконечных разрывах, которые тем не менее с каждым днем все больше укрепляют уверенность в том, что эта пара связана нерушимыми узами, ведь Сент-Экзюпери признает, что Консуэло лучше всех. Еще он говорит ей, что она его утешение, его звезда и свет его дома. Консуэло – издерганная, отвергнутая – необходима ему, он умоляет ее вернуться. И хотя у него есть любовницы – признанные музы, осыпающие его подарками, восхищенные его писательским талантом, лстивые и иногда искренне его любящие, – он не может вырвать Консуэло из своего сердца. Она не виновата, что ее критикуют и презирают. Она иностранка, не вписавшаяся ни в его семью, ни в богемную жизнь вокруг «Нувель ревю франсез»³. Ее ненавидит Андре Жид, который, впрочем, по ее словам, любит только мужчин и стареющих женщин. Она обладает очарованием юности, это видно на всех картинах, рисунках и фотографиях, свободой Нади⁴, но именно эта свежесть оборачивается против нее, потому что в салонах, посещаемых Сент-Экзюпери, предпочитают дам значительно более эмансипированных, интеллектуальных, раскованных или деловых. Консуэло же – обвиняет ее Тонио, – напротив, выставляет напоказ свою набожность, то и дело поминает Бога и всех святых, ходит в церковь, регулярно исповедуется и молится за своего мужа, когда он выполняет летные задания... Еще один штрих к портрету Сент-Экзюпери, который публично выражает презрение к подобным благочестивым суевериям, но в то же время хранит в бумажнике образок святой Терезы из Лизье и в 1940 году просит жену совершить паломничество в Лурд и вместе окропиться святой водой из источника!

Книга Консуэло только приумножает примеры внутренних противоречий, которые терзают Сент-Экзюпери.

³ «Нувель ревю франсез» (Nouvelle Revue Française) – французский литературный журнал, издается с 1908 г. (Прим. перев.)

⁴ Нади – героиня одноименного романа Андре Бретона. (Прим. перев.)

Из-за них он постоянно требует присутствия Консуэло, призывает ее на помощь, он уверен, что Консуэло сможет уберечь его. Единственная, кто не мечтает о его славе, а хочет всего лишь жить с ним в маленьком домике в глухом уголке Африки, где он бы мог спокойно писать. Ведь именно она всегда просила его писать, удерживала его от всевозможных искушений, даже запирала в оборудованном специально для него кабинете и приказывала не выходить до тех пор, пока страница не будет окончена!

Сент-Экзюпери признателен ей за это, говорит, что мечтает творить под ее крылом, защищенный нежностью и теплом своей птички... «Ваш птичий язык и его очаровательный щебет...» В Америке, в огромном белом доме, похожем на Версальский дворец, как чуть ворчливо замечал Сент-Экзюпери, он закончил свой шедевр – «Маленького принца». Счастливые дни, проведенные за рисованием – ему позировали все друзья, приезжавшие в гости, – за воссозданием истории, подобной его собственной, за разработкой вошедших в нее мотивов. «Маленький принц» родился из большого пламени Консуэло, признался в конце концов Сент-Экзюпери... На самом деле роза – это сердце всей истории. Консуэло вдохновляет его на написание этого эпизода, и Сент-Экзюпери мучают угрызения совести, что он был так несправедлив к своей розе: «Я был слишком молод и не умел любить ее». В Бевин-Хаусе, и еще больше на Корсике, он понял, что все забыто, что Консуэло простила его и что с огромными страхами маленькой Консуэло покончено. «Скажите мне, малютка Консуэло, когда же закончатся мои?» Именно ей он хотел посвятить «Маленького принца», но Консуэло настояла, чтобы сказку он посвятил Леону Верту, своему другу еврею. Сент-Экзюпери согласился, но сразу же пожалел об этом. Он обещает ей написать продолжение, когда вернется с войны, и на этот раз она будет идеальной принцессой – никаких больше роз с шипами, – и эту книгу он посвятит ей.

Воспоминания, как и еще не изданная переписка, рассказывают об этой странной любви. Особенно о том, о чем умалчивают безупречно красивые легенды. На самом деле Сент-Экзюпери необходима была эта рукопись, забытая более чем на пятьдесят лет, – на ее страницах он оживает. «Воспоминания розы» приближают его к нам, он вдруг становится более трогательным и менее нравоучительным, более живым и привлекательным. Пишите мне, пишите мне, просит он Консуэло в день своего сорокачетырехлетия, за несколько недель до гибели, «время от времени <почта> доходит, и в моем сердце наступает весна».

«Малютка Консуэло» получила письмо и выполнила просьбу.

И она писала, писала, чтобы рассказать их историю и заставить мир услышать свою правду.

* * *

*Ален Вирконделе
Париж, февраль 2000*

1

La niña del «Massilia»⁵

Каждое утро на палубе Рикардо Виньес⁶, пианист, с похожими на голубиные крылья руками, шептал мне на ухо:

– Консуэло, вы не женщина.

Я смеялась и целовала его в щеку, отводя длинные усы – из-за них я иногда начинала чихать. А он гнусавил свои галантные испанские фразы, желая мне доброго утра, расспрашивая, что мне снилось, помогая пережить еще один день на пути в Буэнос-Айрес. И каждый раз я пыталась понять, что имеет в виду дон Рикардо, произнося эту ритуальную утреннюю фразу.

– Тогда, может быть, ангел или чудовище? Кто же я? – наконец в раздражении накинулась я на него.

Он перестал улыбаться. Несколько минут всматривался в морскую даль, и лицо его было похоже на лики с полотен Эль Греко. Он взял мои руки в свои:

– Дитя, вы умеете слушать, ах, это уже неплохо... С тех пор как мы встретились на этом корабле, я постоянно спрашиваю себя, кто же вы. Я знаю, что люблю ту, что живет внутри вас, но знаю также, что вы не женщина. Ночи напролет я размышлял об этом и наконец погрузился в работу. Пожалуй, я все-таки больше композитор, чем пианист, и только в музыке могу выразить вашу сущность так, как я это чувствую.

Виньес откинул крышку стоявшего в салоне пианино с небрежной кастильской элегантностью, благодаря которой снискал себе популярность в Европе. Я слушала, это было великолепно. Море покачивало нас, словно подхватив ритм мелодии, и мы принялись, как обычно, рассказывать друг другу о бессоннице, о своих открытиях: иногда на горизонте показывался то маяк, то остров, то другой корабль.

Я подумала, что теперь эта фраза Виньеса, выраженная в музыке, больше не смутит мой покой. И смешалась с пассажирами «Массилии».

* * *

Здесь были европейцы, которых туристические агентства уговорили посетить молодой американский континент под звуки танго. И выходцы из Южной Америки, которые везли домой из Парижа изрядные запасы платьев, духов, драгоценностей и каламбуров. Пожилые дамы не смущаясь рассказывали, сколько килограммов они сбросили в салонах красоты. Другие беззастенчиво показывали мне фотографии, на которых можно было с точностью до миллиметра проследить приключения их хорошеньких носиков. Один господин поведал мне об успешно проведенной деликатной операции – трансплантации купленных по дешевке зубов бедняка...

Самые юные девушки развлекались тем, что демонстрировали нам по четыре-пять платьев за день. Им нужно было придать видимость ношенных – южноамериканская таможня строго следила за тем, чтобы дамы не провозили контрабандой предметы роскоши. В перерывах между сменой туалетов девушки принимали ванны с опьяняющими ароматами. Аргентинки и бразильянки оставляли европейских женщин далеко позади по части нарядов. Они недолго артачились, когда их просили сыграть на гитаре или спеть народную песню.

⁵ Девушка с «Массилии» (исп.). (Прим. перев.)

⁶ Рикардо Виньес (1876–1943) – испанский пианист и композитор. (Прим. перев.)

Пока мы плыли, девушки из тропиков становились все более раскованными, с них постепенно сходил светский лоск. Старые и молодые ворковали на португальском и испанском, не давая француженкам ни малейшего шанса вставить хоть словечко.

Рита, юная бразильянка, умела изображать на гитаре колокольный звон – то зовущий к обеду, то праздничный. Она утверждала, что вдохновение пришло к ней во время карнавала в ее родной стране – в одну из тех ночей, что принадлежат колдунам индейским и негритянским, – когда все женщины отдаются своим желаниям, своей природе, погружаются в жизнь неисследованных девственных лесов. Ритины колокола порой сбивали пассажиров с толку, и они поднимались на палубу. Она утверждала, что ее гитара – волшебная, и считала, что умрет в тот день, когда инструмент разобьется. Отец Ланд, которому Рита часто исповедовалась, был перед ней совершенно безоружен и просто не мог отчитывать ее за языческие рассуждения и веру в колдовские силы.

Мне очень нравился отец Ланд. Мы часто подолгу гуляли с ним по палубе, разговаривая о Боге, сердечных делах, о жизни и путях самосовершенствования. Он спросил меня, почему я не появляюсь в столовой, и мне пришлось рассказать ему, что я ношу траур по мужу, Энрике Гомесу Каррильо, и еду по приглашению аргентинского правительства, которое мой покойный супруг-дипломат некоторое время представлял в Европе. Отец Ланд, прекрасно знавший многие его книги, пытался меня утешить: он внимательно слушал, как я со всем пылом юности рассказывала ему о любви, которую внушил мне пятидесятилетний мужчина за недолгий срок нашей совместной жизни. Я унаследовала все его книги, его имя, его состояние и принадлежавшие ему газеты. Мне была доверена его жизнь, и я хотела понять и пережить ее заново и продолжить – в память о нем. Я решила повзрослеть ради него и поставила это своей целью.

Рикардо Виньес был близким приятелем моего мужа. Он заметил меня в Париже: от матери я унаследовала фамилию одного из его друзей – маркиза де Сандовалья, а для Виньеса это имя ассоциировалось с океаном, бурей, вольной жизнью и воспоминаниями о великих конкистадорах. Виньеса обожали все женщины Парижа, но он был аскет, и его чувства принадлежали исключительно музыке.

Однажды я услышала, как гитаристка Рита хриплым шепотом сказала ему на ухо:

– Правда ли, что вы принадлежите к тайному и очень строгому ордену, еще более могущественному, чем иезуиты, к секте, членами которой могут стать только люди искусства?

– Разумеется, и вам наверняка уже доложили, что в полнолуние мы отрезаем себе один ус, который, впрочем, тут же отрастает снова?

* * *

Моим другом на корабле стал и Бенжамен Кремьё⁷, он плыл в Буэнос-Айрес читать лекции. Огненный взгляд и страстный голос делали его похожим на раввина. Его речи казались мне полными тайной силы.

– Когда вы не смеетесь, волосы у вас становятся грустными, какими-то усталыми. Ваши кудри никнут, как засыпающие дети... Любопытно, что, когда вы оживаетесь, когда вы рассказываете о своей стране – о колдовстве, цирке, вулканах, – ваши волосы снова оживают. Хотите быть красивой – почаще смейтесь. И обещайте мне, что сегодня вечером вы не допустите, чтобы ваши волосы уснули.

Он говорил со мной как с бабочкой, которую просят не складывать крылышки, чтобы получше рассмотреть ее краски. Несмотря на длинный, слегка потертый пиджак и бороду,

⁷ Бенжамен Кремьё (1888–1944) – французский критик, переводчик, специалист по итальянской культуре. (Прим. перев.)

придававшую ему солидности, он оказался самым молодым из моих друзей. Кремьё был чистокровным евреем. Ему нравилось быть самим собой, жить своей собственной жизнью. Он говорил, что я ему нравлюсь, потому что умею меняться. Мне это ничуть не льстило. Я бы хотела, как и он, оставаться спокойной и довольной тем, кем Бог и природа позволили мне быть.

К концу путешествия мы с Виньесом и Кремьё стали неразлучны.

Поздно вечером, накануне прибытия в Буэнос-Айрес, дон Рикардо сыграл странную и великолепную прелюдию, а потом объявил, что она называется «La niña del «Massilia».

– Это вы, – объяснил он, протягивая мне ноты. – Вы niña этого корабля.

Рита тут же предложила аккомпанировать ему на гитаре. Только гитара, утверждала она, может выразить смысл этой музыки и то, что Виньес думает обо мне.

Наконец мы прибыли. В суматохе высадки мы успели сказать друг другу разве что несколько вежливых слов, как вдруг я услышала, что кто-то кричит на палубе:

– Мы ищем вдову Гомеса Каррильо. *Dónde está la viuda de Gómez Carrillo?*⁸

Я не сразу догадалась, что речь идет обо мне.

– Это я, господа, – смущенно пробормотала я.

– О, а мы-то думали, что вы пожилая дама!

– Какая уж есть, – ответила я, щурясь от вспышек фотоаппаратов. – Вы не могли бы подыскать мне гостиницу?

Они решили, что я шучу. На набережной меня встречал министр. Он объяснил, что раз я прибыла по приглашению правительства, то буду жить в отеле «Испания», где останавливаются все официальные лица. Президент приносит свои извинения, что не может оказать мне гостеприимство, так как озабочен близкой революцией.

– Как это – революцией?

– Да, мадам, самой настоящей. Но наш Эль Пелудо⁹ – человек благоразумный, это уже третий срок его президентства. Он знает, как управляться с беспорядками.

– А когда должна случиться эта ваша революция? И часто они у вас бывают?

– Уже давно не было. Эта, говорят, назначена на среду.

– И нет никакой возможности ей помешать?

– Не думаю, – ответил министр. – Президент не хочет вмешиваться. Он спокойно ждет, когда революция придет к нему сама. Он отказался принимать меры против студентов, которые вышли на улицы с криками «Долой Эль Пелудо!». Положение серьезное, но я рад, что у вас есть еще несколько дней в запасе, чтобы посетить президента. Советую вам отправиться к нему завтра же утром. Он очень любил вашего мужа и будет счастлив встретиться с его вдовой.

* * *

Итак, на следующий день я на машине отправилась в правительственную резиденцию «Каса Росада». Я проехала мимо единственного украшавшего столицу небоскреба в нью-йоркском стиле, откуда открывался вид на пустыри в самом центре города и на ветхие домишки, которые, похоже, обосновались здесь навсегда.

Эль Пелудо, так здесь прозвали президента, показался мне человеком очень мудрым и очень спокойным. Улыбаясь, он сообщил мне, что стареет и не ест практически ничего, кроме свежих яиц, и что ему нашли несколько прекрасных несушек, которых он держит в

⁸ Где вдова Гомеса Каррильо? (исп.) (Прим. перев.)

⁹ Иполито Иригойен (1852–1933) – президент Аргентины в 1916–1922 и 1928–1930 гг., прозванный Эль Пелудо (Волосатый).

своем поместье. Эль Пелудо всегда отказывался жить в президентском дворце и каждый день ходит туда из дома пешком. Не решаясь заговорить о неожиданной смерти нашего дорогого Гомеса Каррильо, я спросила у президента, о чем думают те люди, которые трезвонят на всех углах о революции, намеченной на среду. Он посерьезнел, но расстроенным не выглядел:

– Они решили устроить революцию... Студенты... Говорят об этом вот уже несколько лет. Возможно, когда-нибудь они ее устроят. Надеюсь, это случится после моей смерти. Я всегда давал им то, чего они хотели. Подписываю, подписываю целыми днями, соглашаюсь на все их требования.

– Может быть, вы подписываете слишком много и в этом корень зла? – рискнула предположить я.

– Смерть Гомеса Каррильо очень меня опечалила, – сказал он, не отвечая на мой вопрос. – Вы знаете, он обещал мне приехать в Буэнос-Айрес и на некоторое время встать во главе министерства образования. Я считаю, что это самое важное из всех министерств. Я последовал одному из его советов: заменил старых школьных учительниц молодыми красивыми девушками. Помню, что в детстве для меня было настоящим кошмаром каждое утро встречаться со своей учительницей – старой каргой со вставными зубами, давно возненавидевшей детей. Сегодня, когда появляется хорошенькая девушка, мы принимаем ее на работу, даже не спрашивая диплома... Думаю, дети должны лучше усваивать то, что преподает им красивый человек.

Я слушала его, слегка улыбаясь. Я представляла себе жалобы родителей, которые сдали своих детей этим победительницам конкурсов красоты без опыта и образования...

Министр Г. в тот же вечер пригласил меня на ужин с важными официальными лицами. Революцию по-прежнему ожидали в среду. Женщины были очень красивыми, а еда – обильной. Едят в Буэнос-Айресе в три раза больше, чем в Европе. Мне очень понравилась эта поездка.

2

«Познакомьтесь с Антуаном де Сент-Экзюпери, он летчик»

Бенжамен Кремьё только что прочел первую лекцию в салоне «Любителей искусств». Там я познакомилась со сливками буэнос-айресского общества. Все говорили только о революции.

– Здесь все очень любезны, и я бы хотел остаться еще на несколько недель, но они начинают меня пугать этой своей революцией, – заметил мне Кремьё. – Похоже, их забавляют такие разговоры. Вероятно, они думают, что революция может обойтись без жертв. Я был солдатом во время последней войны и с тех пор не люблю свиста пуль. Я человек мирный, – добавил он, поглаживая бороду. – Кстати, вы не зайдете ко мне в гостиницу после обеда? Я хочу познакомить вас со своим французским другом, он очень интересный человек. Только не подведите, я буду вас ждать.

В холле гостиницы в честь Кремьё устроили коктейль, гости судачили о всякой всячине, но разговоры неизменно сводились к революции. Мне это стало надоедать. Начало даже казаться, что пресловутая революция запаздывает.

– Когда начнется, по-вашему? – спрашивал в шутку один.

– В четверг, готов биться об заклад, – отвечал другой.

Я посмотрела на часы и решила уйти, не предупредив Кремьё, опасаясь, как бы он не стал меня удерживать. Когда я уже надевала пальто, в холл отеля влетел очень высокий брюнет. Он двинулся прямо на меня и, ухватив рукав моего пальто, чтобы я не могла его надеть, сказал:

– Вы уже уходите, а я только что пришел. Оставайтесь еще на несколько минут.

– Но я должна идти, меня ждут.

Подбежал Кремьё и, показывая белоснежные зубы в зарослях черной бороды, заявил:

– Да-да, оставайтесь, это та самая встреча, которую я вам обещал. Еще на пароходе я предупреждал, что познакомлю вас с летчиком и что он обязательно вам понравится, потому что он обожает Латинскую Америку и говорит по-испански – плоховато, конечно, но все прекрасно понимает.

И, глядя на высокого брюнета, который все еще держал меня за рукав, Кремьё произнес, дергая себя за бороду:

– Учтите, она испанка, а когда испанки обижаются – это серьезно!

Брюнет был таким высоким, что мне пришлось задрать голову, чтобы увидеть выражение его лица.

– Бенжамен, вы не предупредили меня, что здесь есть такие красивые женщины. Спасибо вам.

А потом, обернувшись ко мне, продолжил:

– Не уходите, садитесь вот сюда.

И подтолкнул меня, так что я потеряла равновесие и рухнула в кресло. Он извинился, но я и так уже не в силах была возражать.

– Но кто же вы? – наконец спросила я, пытаясь достать ногами до пола, так как оказалась буквально в плену у этого слишком глубокого и слишком высокого кресла.

– Извините-извините, – засуетился Кремьё. – Я забыл вас представить. Антуан де Сент-Экзюпери – летчик, авиатор, с ним вы сможете увидеть Буэнос-Айрес с высоты птичьего полета. А еще он покажет вам звезды. Ведь он так любит звезды...

– Я не люблю летать, – ответила я. – Я не люблю вещи, которые движутся слишком быстро. Не уверена, что мне понравится смотреть сверху на чьи-то макушки. И к тому же мне пора.

– Но у макушек нет ничего общего со звездами! – воскликнул высокий брюнет.

– Вы считаете, что головы слишком далеки от звезд?

– Ах! Возможно, у вас звезды в голове? – удивился он.

– Я пока еще не встретила мужчину, который бы увидел мои настоящие звезды, – грустно призналась я. – Но мы болтаем глупости. Повторяю вам, я не люблю летать. Даже когда я иду слишком быстро, мне уже не по себе.

Брюнет, не выпуская моей руки, присел на корточки рядом с креслом, казалось, он с интересом изучает меня. Мне было неловко, я чувствовала себя смешной – чем-то вроде говорящей куклы. Мне казалось, что слова, которые я произношу, теряют смысл. Его рука сжимала мой локоть, и я невольно чувствовала себя его жертвой, заточенной в этом бархатном кресле, из которого невозможно сбежать. Он продолжал задавать мне вопросы. Заставлял меня отвечать. Мне больше не хотелось быть объектом его внимания, я чувствовала себя глупо, но что-то не позволяло мне уйти. Я начала досадовать на свою женскую природу. Сделала еще одну попытку, как светлячок, выпускающий последний лучик света, мысли, силы.

Снова попытавшись высвободиться из кресла, я мягко сказала:

– Я ухожу.

Своими огромными ручищами он загородил мне путь:

– Но знайте, что вы увидите с борта моего самолета Рио-де-ла-Плата сквозь облака! Это потрясающе красиво, такого заката нет больше нигде в мире!

Кремьё прочел на моем лице ужас птахи, попавшей в силки. Он поспешил мне на помощь, произнес сурово:

– Сент-Экс, она должна идти, ее ждут друзья. И я тоже вынужден вас оставить, у меня гости.

Но брюнет так и не позволил мне встать с кресла. Он сказал очень серьезно:

– Я пошлю своего шофера забрать ваших друзей, чтобы они тоже смогли понаблюдать за заходом солнца.

– Это невозможно, их человек десять.

– Ну и что? У меня есть все самолеты, какие пожелаете. Я здесь что-то вроде шефа авиации. Я начальник «Аэропосталья».

Соппротивление было бесполезно. Он отдавал приказы. Он заставил меня позвонить друзьям. Мы оказались в его руках.

Радость, отразившаяся на лице Кремьё, побудила меня согласиться. Я попросила брюнета присесть и дать мне перевести дух. Я обратила его внимание на то, что на нас все смотрят, что он не дает мне ни вздохнуть, ни слова сказать.

Он рассмеялся от всего сердца, а потом, проведя рукой по щеке, громко выругался и сообщил:

– Как я же зарос! Вернулся из полета, который длился два дня и две ночи!

И исчез в гостиничной парикмахерской. А через десять минут появился снова – свежевыбритый, смеясь, как ребенок. Он воскликнул:

– Кремьё, в следующий раз, когда пригласите красивую девушку, предупредите меня заранее!

– Вас разве не предупредили? – лукаво поинтересовался Кремьё.

– Выпьем для начала по стаканчику, я умираю от жажды. Извините, если я говорю слишком много, это все от того, что я почти неделю не видел ни души. Я расскажу вам про Патагонию – про птиц и обезьян, которые меньше моего кулака.

Он взял меня за руки и воскликнул:

– Ах! Какие крошечные! А знаете, я умею гадать по руке!

Он долго держал мои руки в своих. Я пыталась вырваться, но он не хотел меня отпустить:

– Нет-нет, я ведь их изучаю. У вас тут параллельные линии. У вас будет двойная жизнь. Не знаю, как это объяснить, но они все параллельны. Нет, не думаю, что вы так уж сдержанны. Но здесь видно нечто, определившее ваш характер. Возможно, это ваша страна. Или переезд из Центральной Америки в Европу.

Меня очаровало его внимание, но я пыталась ему сопротивляться:

– Мне правда не хочется лететь на самолете, я не люблю скорость. Я предпочитаю тихо сидеть в уголке и не двигаться. Это наверняка из-за того, что у нас в Сальвадоре часто случаются землетрясения и каждую минуту у ваших дверей может оказаться Вандомская площадь.

– Ну что же, – смеясь, отвечал он. – Мы полетим очень медленно. Я уже заказал автобус, который заедет за вашими друзьями в гостиницу «Оксиденталь» и доставит их сюда. Те из гостей, кто согласился поехать с вами, уже тут.

Все было готово, и через двадцать минут в битком набитой машине мы уже ехали к аэродрому. Навстречу обещанному заходу солнца. От Буэнос-Айреса до Пачеко добрый час езды, и, скрючившись в автомобиле, я слушала рассказы этого человека о его жизни, о его ночных полетах. Потом я сказала:

– Знаете, вам надо записать то, что вы рассказываете. Это так прекрасно.

– Ладно, я напишу об этом для вас. Знаете, я уже написал одну книгу – воспоминания о моих первых вылетах на почтовых самолетах, когда я был еще молод, пять лет назад.

– Но пять лет – это же ерунда!

– Это много. Я был тогда молод, летал над пустыней Сахара. Книга называется «Южный почтовый». На обратном пути заедем ко мне, и я вам ее подарю. Она не имела успеха. Я продал всего три штуки – одну своей тете, другую сестре, третью – подруге сестры. Словом, три... Надо мной посмеялись, но раз вы говорите, что мои рассказы действительно интересны, я напишу об этом. Для вас одной. Очень длинное письмо.

В этой поездке я была единственной женщиной. Мадам Э., которая должна была нас сопровождать, не поехала под тем предлогом, что дороги, ведущие к аэродрому, слишком пыльные. В машине Сент-Экзюпери говорил не умолкая. Какие волшебные образы, настоящая лавина невероятных подробностей! Кремль задавал вопросы. Сент-Экзюпери отвечал, не прерывая основного повествования. Он заявил, что неделю не открывал рта, и буквально засыпал нас историями об авиации.

Наконец мы добрались до летного поля. Нас ждал серебристый красавец самолет. Я хотела подняться в отсек для пассажиров, но Сент-Экзюпери настоял, чтобы я села рядом с ним в кресло второго пилота. Кабина была отделена от салона шторой из толстого сукна. Я не знаю, как люди умудряются летать на этих самолетах. Сент-Экзюпери задернул штору. Я украдкой разглядывала его руки – красивые, умелые, нервные, утонченные и сильные одновременно. Руки Рафаэля. В них проявлялся его характер. Я боялась, но доверила ему свою жизнь. Мы взлетели. Его лицо стало менее напряженным. Мы летели над равнинами, над водой. Нутро мое бунтовало. Я чувствовала, что бледнею, начала глубоко дышать. К счастью, шум мотора заглушал мои вздохи. От высоты у меня заложило уши, очень хотелось зевнуть. Неожиданно Сент-Экзюпери сбросил газ:

– Вы много летали?

– Нет, это первый раз, – робко сказала я.

– Нравится? – спросил он, глядя на меня с легкой насмешкой.

– Нет, это немного странно, вот и все.

Он зафиксировал ручку управления, чтобы сказать что-то мне на ухо. Затем снова поднял ее и опять зафиксировал, наклонившись ко мне. Он нарочно делал крены, чтобы нас поугубать. Я улыбалась.

Он положил мне руки на колени и подставил щеку:

– Вы не хотите меня поцеловать?

– Месье де Сент-Экзюпери, вы должны знать, что в моей стране люди целуют только тех, кого любят, и только если они знакомы достаточно долго. Я совсем недавно овдовела, как же я могу вас поцеловать?

Он закусил губу, чтобы не выдать улыбки.

– Поцелуйте меня, или я вас утоплю, – сказал он, делая вид, что направляет самолет напрямик в море.

Я задохнулась от гнева. Почему я должна целовать человека, с которым едва знакома? Шутка показалась мне слишком скверной.

– Так вот как вы заставляете женщин целовать вас? – спросила я его. – Со мной этот номер не пройдет. Мне надоело летать. Сделайте мне приятное – посадите самолет. Я недавно потеряла мужа и тоскую по нему.

– Ой! Мы падаем!

– Все равно.

Тогда он взглянул на меня, зафиксировал ручку и произнес:

– Я знаю, вы не хотите меня поцеловать, потому что я слишком уродлив.

Я увидела, как жемчужины слезинок из его глаз закатали на галстук, и мое сердце растаяло от нежности. Я неловко перегнулась и поцеловала его. В ответ он начал неистово целовать меня, и так мы летели минуты две-три: самолет пикировал и взмывал, Сент-Экзюпери поднимал ручку и опускал ее снова. Пассажиры начали укачивать. Мы слышали, как они жаловались и причитали у нас за спиной.

– Вовсе вы не урод! Но вы слишком сильный для меня. Вы делаете мне больно. Кусаете меня, пожираете, а не целуете. Я хочу сейчас же спуститься на землю.

– Извините, я не слишком хорошо знаю женщин. Я люблю вас, потому что вы ребенок и вам страшно.

– В конце концов вы сделали мне больно! Вы сумасшедший.

– Это только так кажется. Я делаю то, что хочу, даже если это причиняет мне боль.

– Послушайте, я больше даже кричать не могу, приземляйтесь. Мне плохо. Я не хочу потерять сознание.

– Об этом речи быть не может. Посмотрите, вон там Рио-де-ла-Плата.

– Хорошо-хорошо, это Рио-де-ла-Плата, но я хочу увидеть город.

– Надеюсь, вы не страдаете морской болезнью?

– Чуть-чуть.

– Вот таблетка, высуньте язык.

Он положил таблетку мне в рот и порывисто сжал мои руки:

– Какие маленькие ручки! Ручки ребенка! Отдайте мне их навсегда!

– Но я не хочу остаться безруким инвалидом!

– Глупенькая! Я прошу вас выйти за меня замуж. Мне нравятся ваши ручки. Я хочу, чтобы они принадлежали только мне.

– Послушайте, мы знакомы всего несколько часов!

– Вот увидите, вы еще выйдете за меня замуж.

Наконец мы приземлились. Все наши друзья чувствовали себя неважно. Кремье вырвало на рубашку, Виньес сказал, что не сможет сегодня дать концерт.

До машины Сент-Экзюпери нес меня на руках. Мы поехали к нему. Эту поездку я запомнила на всю жизнь. Мы проезжали мимо витрин ювелирных лавок, сверкающих дра-

гоценными камнями, изумрудами, крупными бриллиантами, браслетами, здесь были шикарные магазины, торгующие перьями, чучелами птиц, – настоящий маленький Париж. Кажется, машина ехала по улице Риволи. Наконец мы добрались до цели и поднялись на лифте в холостяцкую квартиру Сент-Экзюпери. Выпив кофе, мы отправились спать кто где. Виньес и Кремьё уснули на одном диване, а я – в постели Сент-Экзюпери. Голова кружилась, меня подташнивало, я с трудом понимала, где нахожусь. Я свернулась клубочком, а Сент-Экзюпери читал мне отрывок из «Южного почтового». Я уже ничего не слышала и наконец резко сказала ему:

– Вы не могли бы ненадолго оставить меня одну? Мне жарко, я хочу принять душ. Извините.

Он встал и вышел в другую комнату. Я приняла душ, Сент-Экзюпери дал мне халат. Я снова забралась в постель. Он присел рядом и сказал:

– Не бойтесь, я не собираюсь вас насиловать.

Потом добавил:

– Я люблю, когда меня любят. Я не люблю брать то, что мне не принадлежит. Я люблю, чтобы мне это давали.

Я улыбнулась:

– Знаете, скоро я возвращаюсь в Париж, и, несмотря ни на что, этот полет останется для меня приятным впечатлением. Только вот все мои друзья чувствуют себя неважно, да и я тоже.

– Возьмите еще одну таблетку.

Я проглотила таблетку и заснула. Ночью я проснулась, и он напоил меня горячим бульоном. Потом показал мне фильм, который снял сам.

– Это то, что я вижу после полетов, – пояснил он.

Образы сменяли друг друга под аккомпанемент странных индейских песен. Я больше не могла – слишком сильное впечатление производил этот человек, слишком богат был его внутренний мир. Я слабым голосом сообщила ему, что Виньес должен давать концерт и нужно бы отвезти его в театр. Он уверил меня, что Виньес крепко спит, что уже три часа ночи и что я тоже должна быть хорошей девочкой и поскорее заснуть.

Проснулась я в его объятиях.

3

«Он невероятно талантлив. Он напишет «Ночной полет»

Тем временем мои друзья исчезли. Когда мы встретились несколько дней спустя, они клялись, что никогда больше не поднимутся на борт самолета! Что до Кремье, то его начало тошнить от одного слова «самолет»:

– Бывают такие приступы дурноты, которые не можешь забыть всю жизнь!

Революция приближалась, и я предложила ему уехать на следующий день на первом же корабле.

– Не переживайте, давайте лучше пообедаем завтра у меня в гостинице. Вы свободны?

– Конечно, дорогой Кремье. До скорого!

Я вернулась к себе в гостиницу. Там царило возбуждение, горничные сновали туда-сюда, без конца шушукались в коридоре. Я была довольна: завтра пообедаю с Кремье, а потом мы уедем в Париж.

В тот вечер я ужинала в гостинице с министром Г. Это был очень образованный человек, одаренный живым умом и бесконечной человеческой теплотой. Он придавал большое значение нашей встрече в память о Гомесе Каррильо. Для него мне хотелось выглядеть красивой. Но атмосфера в гостинице не соответствовала моему настроению. Я напевала, надевая белое платье и прикрепляя к волосам черную кружевную вуаль.

Зная о политических неурядицах в стране, я понимала, как любезно со стороны министра посвятить мне целый вечер. Он извинился, что вынужден был принять меры безопасности и заказать столик в укромном зальчике.

– От вашего имени я пригласил нескольких друзей Гомеса Каррильо. Их жены просто очаровательны. Им не терпится с вами познакомиться. Они хотят увидеть, кто заменил Ракель Меллер – Цветочницу – в сердце мэтра!

Развод Гомеса Каррильо и наша свадьба породили множество кривотолков. Я не хотела углубляться в этот вопрос и перевела разговор на президента:

– Лучше расскажите мне о доне Эль Пелудо. Мне он очень понравился. Я провела с ним целый час. Он рассказывал мне о своих несудьбах: «Я старею, мне нравятся только свежие яйца». Думаю, он устал от ответственности. Он подписывает бумаги, не читая...

Министр Г. был настоящим другом президента и понимал, что приближающаяся революция вышвырнет Эль Пелудо из «Каса Росада».

На нашем столике изысканные блюда в сопровождении аргентинского вина сменяли друг друга, когда к нам подбежал официант с письмом. Письмо оказалось от моего летчика. Он только что вернулся из полета, длившегося сутки. Сент-Экзюпери по следам свежих впечатлений писал мне об ураганах, о вынужденных посадках. Рассказывал о цветах, бурях, снах, материках. Уверял, что вернулся к людям только для того, чтобы увидеть меня, прикоснуться ко мне, взять меня за руку. Он умолял меня быть благоразумной и подождать его. Я рассмеялась и зачитала письмо вслух. Оно начиналось словами «Мадам, дорогая, если позволите» и заканчивалось «Ваш жених, если пожелаете!». Мы решили, что письмо великолепно, гениально! Его книга «Ночной полет» родилась из этого любовного письма.

В ту ночь я видела во сне его руки, посылавшие мне знаки. Небо было как в аду. Ночной полет в никуда. И только я могла зажечь солнце и помочь ему отыскать дорогу. В волнении я разбудила добряка Кремье телефонным звонком. Он пришел к выводу, что я должна принять предложение. Я не могу оставить Сент-Экзюпери одного – так объяснил Кремье мой сон...

«Он невероятно талантлив, если вы полюбите его, он напишет «Ночной полет», и это будет грандиозно».

На следующий день, собравшись за столиком в ресторане «Мюнхен», мы с Виньесом, Кремье и Сент-Экзюпери весело болтали и смеялись. Кремье сказал Сент-Экзюпери:

– Вы еще напишете великую книгу, вот увидите.

– Если она будет держать меня за руку, если она согласится стать моей женой, – ответил Сент-Экзюпери.

В конце концов, исчерпав все доводы, я согласилась. Обезумев от радости, Сент-Экзюпери порывался купить мне самый большой бриллиант, какой только можно найти в Буэнос-Айресе. И тут его позвали к телефону.

– Я должен немедленно уехать, – сообщил он. – Поедьте все вместе на аэродром, там мы и обручимся, ведь именно там вы согласились меня поцеловать.

На этот раз Кремье отказался участвовать в очередной аванюре. С нами поехал только Виньес, который по дороге заявил Сент-Экзюпери:

– Поторопитесь, иначе я забудусь и решу, что жених *niña del «Massilia»* я. Жаль, что на вашем аэродроме нет пианино, надо бы вам об этом позаботиться.

– Для вас я выпишу его из Парижа, – смеясь, ответила я ему.

Тонио вернулся к нам мрачнее тучи:

– Я вас покидаю.

– Но вы не можете меня покинуть. Мы должны обручиться сегодня вечером.

Вся эта ситуация продолжала казаться мне забавной. Я ничего не понимала, но чувствовала себя очень счастливой.

– Видите пилота, который должен лететь? Он боится. Один раз он уже вернулся очень напуганный. Он говорит, что не сможет прорваться.

– Прорваться сквозь что? – спросила я.

– Сквозь ночь, – пробормотал Тонио. – Прогноз погоды не слишком хорош. Но для меня погода всегда достаточно хороша. Надо спасти их от страха, сказал Дорб... Если пилот будет настаивать, я полечу вместо него. Почта должна уйти сегодня ночью.

Мы ели устриц, запивая их белым вином. Я тоже начала бояться... бояться ночи. Телефоны звонили все одновременно, в паре метров от нас рация с ужасным скрежетом передавала сообщения на морзянке: остальные пилоты справлялись о маршруте.

Ореол света вокруг радиопередатчика придавал ему мрачный вид. Потом мы услышали громкий шум мотора. Отблеск белого света, как молочное пятно, залил аэродром перед моими глазами. Тонио позвонил. Появился аргентинец (костюмер, как в театре) и быстрее, чем я об этом рассказываю, надел на него сапоги, кожаное пальто и вручил перчатки. За это время другой пилот вылез из самолета. Он вернулся.

– Пусть зайдет в мой кабинет! – крикнул Тонио, заглатывая оставшиеся устрицы, впиваясь зубами в целую буханку хлеба и отхлебывая вино из горлышка. – Извините, – обернулся он ко мне. – Я спешу.

Испуганный летчик появился в сопровождении секретаря. Он стянул с головы шлем и остался стоять, униженный, подавленный, задыхающийся.

Тонио продиктовал секретарю:

– «Бульвар Османн, Париж. Пилот Альберт уволен, предупредите все остальные авиакомпании».

– Если вы отправите эту радиogramму, я вас убью, – заорал Альберт.

Он бросился вслед за Тонио, который бегом направлялся к самолету.

– Вы боитесь ночи и при этом хотите меня убить? Подождите, пока я вернусь! – бросил ему Сент-Экс.

Летчик в отчаянии сжимал в руке револьвер. Он плакал.

– Вы не прорветесь, вы разобьетесь...

Он продолжал плакать.

Нас с Виньесом буквально парализовало. И только белое вино развязало нам языки.

– *Niña, niña, nos vamos a casa?*¹⁰

– Нет, Рикардо, это ночь моей помолвки.

Рикардо погладил свои усы. Из ангара раздался крик:

– Рикардо Виньес!

– Что я плохого сделал? – подскочил Виньес. – Я не хочу никуда лететь...

– Радиограмма для вас.

– Для меня?

Рикардо растерялся еще больше. Он судорожно искал очки, которые не желали вылезать из кармана, под аккомпанемент проклятий понуро удалявшегося Альберта.

Наконец Рикардо смог прочесть радиограмму: «Тысяча извинений. Продолжайте праздновать помолвку на аэродроме до моего возвращения. На пути обратно небо чистое, ветер попутный. Надеюсь, буду до полуночи. Ваш друг Сент-Экс».

– Так быстро отправить телеграмму, браво! – заметил Виньес, смеясь от облегчения. – Ну хорошо, помолвка предвещает *una boda magnífica, inesperada!*¹¹

Это был первый из ночных полетов, которые с тех пор не давали мне спать спокойно.

* * *

На следующее утро на аэродроме мы отметили нашу помолвку кофе с молоком. Тонио доставил почту на следующий этап, где его сменил другой летчик.

Нам сообщили, что в стране разразилась революция. Эту новость я приняла спокойно. Меня больше ничто не волновало, ведь мой летчик вернулся.

Мы с Виньесом отправились ночевать в Буэнос-Айрес. Тонио должен был остаться на аэродроме, ожидая новостей о своей почте. Меня разбудил телефонный звонок. Это был Кремьё.

– Поднимайтесь, революция... На вашей улице уже стреляют, вы слышите?

– Да что вы? Знаете, сегодня ночью я легла очень поздно. Погодите, я посмотрю в окно. Да, стреляют, похоже, и правда революция. Но я все равно приду к вам обедать, подождите меня.

Едва закончив одеваться, я обнаружила отсутствие прислуги. Только старик в углу, которому ничего уже не было нужно, протянул мне срочное письмо. Я вырвала конверт у него из рук. Но Тонио внезапно, как чертик из табакерки, ворвался в мою комнату.

– Вы здесь! Я так беспокоился за вас. Аэродром ведь далеко от Буэнос-Айреса. Я боялся больше, чем во всех ночных полетах, вместе взятых, боялся опоздать, потерять вас.

– Но почему? Это всего лишь революция... В Мексике, когда мне было пятнадцать лет, мы с моими одноклассниками наблюдали за революцией. Иногда в кого-нибудь попадала пуля, но редко насмерть. Штатские плохо стреляют. Должно пройти много лет, прежде чем люди научатся убивать.

Он рассмеялся:

– Хорошо, если вы не боитесь, то я и подавно... Впрочем, смотрите, я прихватил с собой камеру, хочу снять революцию, именно там, где стреляют, это понравится моим друзьям, оставшимся во Франции. Помните фильм, который я вам показывал?

– Да, но сначала проводите меня к Кремьё. Он ждет нас к обеду.

¹⁰ Девочка, девочка, пойдем домой? (исп.) (Прим. перев.)

¹¹ Великолепную, неожиданную свадьбу (исп.). (Прим. перев.)

– Он ждет вас, а не меня...

– Но мы же теперь помолвлены!

– По вам не скажешь, – заметил он, глядя мне прямо в глаза. – У меня очень мало свободного времени, а когда я появляюсь, вокруг вас обязательно светское общество.

– Да, если революция для вас – это светское общество.

Мы шли медленно и продолжали спорить. Он не оставлял мне времени на размышления. Я возражала. Говорила, что не хочу провести всю жизнь на летном поле или сидя на стуле в ожидании его возвращения. Но пули свистели быстрее моих мыслей. Он крепко сжал мне руки.

– Скорее, не то нас убьют. Посмотрите, там уже двое или трое упали замертво.

– Может, они просто ранены?

– Шагайте, шагайте быстрее, девочка моя, или я понесу вас на закорках.

Он приказал это очень серьезно, глядя, как я семеню на высоких каблуках.

– Не стоит бежать, переходя улицу, на которой стреляют, – сказала я ему. – Люди на другой стороне тротуара – те, что делают революцию, – нас заметят. К тому же вы совершенно не похожи на аргентинца. Солдаты на грузовиках просто не обратят на нас внимания, они стреляют только по вооруженным мужчинам.

– Если все это так, то почему мы не танцуем посреди улицы, девочка моя?

Революционеры взламывали двери частных домов, кто-то стрелял с крыш. Неожиданно на нас стал наступать человек с карабином, но Тонио громко и спокойно, перекрывая шум выстрелов, заявил ему:

– Я француз. Вот, смотрите, – добавил он, демонстрируя орден Почетного легиона.

Этого оказалось достаточно, чтобы все уладить, но меня все еще трясло от страха.

– Быстрее, бежим, спрячемся за теми воротами.

Целый час мы наблюдали за революционерами. Люди беззвучно падали, их быстро подбирали и уносили, другие выходили из туннеля им на смену. Мы не могли больше оставаться на одном месте и начали нервничать. Дошли до угла. Там уже не было никакой революции, но окна были закрыты, а за ними угадывались застывшие в напряженном ожидании люди. Разворошенный муравейник.

Наконец мы добрались до Кремье. Он обрадовался, заговорил о происходящем:

– Эль Пелудо – ваш друг. А те, кто живет в этой гостинице, – по другую сторону баррикад. Так что выбирайте выражения.

Он смеялся, это была его первая революция. Несколько самолетов продолжало угрожать Буэнос-Айресу – на случай если правительство будет сопротивляться. Но Эль Пелудо в «Каса Росада» сдался безоговорочно.

К концу дня революция победила. Революционеры начали выбрасывать из окон вещи тех, кто принадлежал к партии президента. Они волокли по улице на веревке статую Эль Пелудо и поджигали министерства.

Мы с Тонио побежали в мою гостиницу спасать багаж, потом я вернулась к Кремье. Внезапно завывла пожарная сирена. Горела проправительственная газета «Критика».

– А если это контрреволюция? – спросила я.

– Куда бежать? – откликнулся Кремье.

– Лично я не сдвинусь с места. Эта суeta внушает мне отвращение. Я приехала в Буэнос-Айрес отдохнуть!

Тонио и Кремье рассмеялись.

Наконец мы решили забраться на крышу, чтобы Тонио мог поснимать своей камерой. «Было бы обидно не запечатлеть такое событие», – сказал он. Мы переходили от одного дома к другому. Потом Тонио захотел спуститься на улицу. Кремье посоветовал мне отпустить его: «А мы останемся в тихом уголке на крыше и будем наблюдать за развитием событий».

Но здание газеты «Критика» горело совсем рядом с гостиницей. Дым мешал нам дышать, пришлось отступить.

В тот вечер мы пили коктейли в баре, я была в разорванном платье. Кремьё окончательно решил уехать в следующий понедельник. Я уже не понимала ни где я нахожусь, ни что я должна делать, оглушенная запахами дыма и цветов в пиано-баре...

4

«Вы уверены, что хотите взять меня в жены на всю жизнь?»

Я шла по городу, каждый шаг казался мне новым приключением, я спрашивала себя, почему именно мне довелось оказаться в гуще таких странных событий: беседовать с президентом, увидеть революцию, наблюдать, как волокут по улицам статую Эль Пелудо под громкий хохот молодежи, впервые почувствовавшей себя свободной. Свергнутая статуя стала символом происходящего. Мрамор сносил все, как хорошую погоду, так и плохую, но гнев студентов оказался похлеще бури в пампе...

Сам дон Эль Пелудо несколько дней спустя отправится на пароходе на острова, где ничто не сможет успокоить его сердце. Он был стар, и враги хотели таким образом вынудить его к самоубийству – среди беспощадных ветров, бороздящих моря. Сутки напролет все обсуждали, куда сошлют диктатора, порожденного аргентинским народом. Трудно было представить себе участь печальнее для человека, по словам честных людей, невинного, но пренебрегшего обязанностями отца нации.

Меня пугала эта странная атмосфера, сгустившаяся над Буэнос-Айресом. Ни одна дверь не выглядела безопасной, каждое окно казалось мне западней. Это было слишком для меня, приехавшей напрямик из Парижа, где все так просто, даже смерть, даже нищета и несправедливость. А здесь всему приходилось учиться заново. Придумывать. Обучение мое продвигалась медленно. Почему я попала сюда именно в тот момент, когда муравейник разворошили? Мне не повезло. Я, недавно овдовевшая, приехала искать друзей, мира, чтобы успокоить свое измученное сердце, а тут всюду лишь всплески недовольства взбунтовавшегося народа, впервые продемонстрировавшего свой характер.

В кармане я нащупала любовное письмо от моего Крылатого Рыцаря, слегка смяла его и теперь при каждом шаге, при каждом движении мышц, при каждом покачивании бедер я слышала его шелест. Я говорила себе, что это любовное письмо... Что любовь... любовь... И продолжала путь.

* * *

Слишком многое свалилось на меня одновременно. Мне пришлось думать, становиться взрослой. Я хотела понять, я знала: во всей этой истории существует что-то, что надо разгадать. Я не ведала, касается это меня одной или жизни в целом, но нужно было внимательно вслушиваться в ритмы нового времени, шедшего мне навстречу. Я замедлила шаг. Посмотрела на серое небо Буэнос-Айреса, низко нависшее над крышами с мансардами, – ни тени, ни листочка, лишь несколько прохожих. И я размечталась о цветущих каштанах на улицах Парижа, о Сене, делящей город пополам, о лавках букинистов, от одного вида которых в такие мгновения на тебя нисходит умиротворение. Однажды подруга аргентинка рассказала мне, что владеет пятью тысячами деревьев. В Буэнос-Айресе деревья считают на штуки. Те, что мы видим здесь, прибывают издалека, их привозят, как заключенных, обещают им прекрасный уход и любовь, если только они как следует вырастут. В этой стране люди ходят на свидание к деревьям, просят деревья хорошенько расти в их садах, подарить им свою тень. Я видела усадьбы, где деревья чувствовали себя хорошо благодаря заботам садовников. Но пампа сурова, она не желает ничего давать даром, хочет остаться единственной, хочет быть пампой. Усилия, которые прикладывают землевладельцы, чтобы вырастить

хоть что-то, сродни волшебству. Урожай – чудо. Но чем больше препятствий преодолевает человек, тем больше он достоин чуда...

Письмо Тонио терлось о мое платье, о мое бедро, оно говорило со мной, хотя я не желала его слышать. Я пыталась понять, что произошло со мной в этой суровой и нежной стране. Я чувствовала себя сиротой вдали от каштанов авеню Анри Мартена в Париже, изгнанницей вдали от Люксембургского сада. Я гордилась своим одиночеством, гордость туманила мой взор, однако дарила ощущение настоящей жизни. В этом спектакле мне предложили роль жены. Готова ли я к ней? Действительно ли я хочу ее сыграть? От всех этих мыслей у меня началась мигрень, поэтому я наконец прислушалась к шороху любовного письма. Я сунула руку в карман и медленно вытащила его. Крылатый Рыцарь предлагал мне все: свое сердце, свое имя, свою жизнь. Он писал, что его жизнь – полет, что он хочет забрать меня с собой, что я показалась ему слабой, но он верит, что моя молодость поможет мне справиться со всем, что ожидает нас: бессонные ночи, бесконечные переезды; ни дома, ни вещей, ничего, только моя жизнь, посвященная ему. Еще он писал, что собирается подхватить меня с земли на головокружительной скорости, что я буду его садом, что он принесет мне свет, что рядом со мной он будет чувствовать себя на земле, на земле людей, где есть домашний очаг, чашка горячего кофе, сваренного специально для него, букет цветов, который всегда его ждет. Я боялась читать эти строки, мне хотелось оглянуться назад, вернуться в страну, где домам и людям ничто не угрожает.

Но как победить свои страхи здесь, среди темных улиц? Я устала. Я даже не плакала. Я терзалась, как зверь, попавший в ловушку. Зачем соглашаться на невозможный союз с этим диким орлом, что рассекает небеса, слишком далекие для меня? Почему моя детская душа дала уговорить себя обещаниями облаков и завтрашних радуг? Я закрыла глаза, сунула письмо обратно в карман и направилась в церковь спросить у Бога, что ждет меня в будущем.

Только Он мог исцелить эту рану, открывшуюся в моем сердце. Я вспомнила советы матери. «Бог, – говорила она, – не хочет видеть нас в грусти и сомнениях, мы нравимся Ему веселыми и сильными». Так зачем же Ты так испытываешь меня, Господи? Я дрожала от страха, меня лихорадило, я ничего не соображала, но сердце шептало мне: «Если Кремье уедет без меня, я останусь одна, без помощи, без защиты. Я стану куклой в руках великого небесного путешественника. Летчика». А письмо все шуршало при каждом моем шаге.

Наконец я добралась до церкви в приходе отца Ланда. Он оказался там, как будто ждал меня. Без всяких предисловий я рассказала ему о своей стремительной помолвке и вынула из кармана письмо. Он медленно прочел его вслух, не столько для себя, сколько для меня. Глядя мне прямо в глаза, отец Ланд произнес:

– Если вы его любите, я советую вам выйти за него замуж. Он сильный человек, он честен, холост, и, если Бог вам поможет, у вас будет счастливая семья.

Я взяла письмо из рук священника и ушла.

И снова осталась в одиночестве на шумных улицах Буэнос-Айреса. Случайно набрела на гостиницу «Испания». Из любопытства зашла. Попросила разрешения взглянуть на свою бывшую комнату. Никто не возражал. На лестницах, в холле – всюду царил страшный беспорядок, но прислуга, казалось, смирилась с ним. Я толкнула дверь в номер, где мне столько толковали о революции. Обнаружила там свой чемодан, но он был слишком тяжел, чтобы я могла захватить его с собой. На нем лежало адресованное мне письмо, на конверте расплылось несколько пятен, похожих на капли воды. Я вскрыла его и начала читать. Это снова было письмо от моего летчика, он в который раз повторял, что хочет на мне жениться, не разрешает мне возвращаться во Францию, прекрасно знает, что я приглашена правительством, и советует мне не вмешиваться в местные политические дела, а принять его любовь. Наш друг Кремье, писал он, согласен на этот брак, который будет длиться всю жизнь. Еще он просил

меня стать взрослой девочкой и позаботиться о его сердце. Я сунула письмо в карман, где уже лежало одно, и оба они нежно зашелестели...

Наконец я вышла из гостиницы. На улице я разговаривала сама с собой, передо мной то и дело возникало его ласковое лицо с круглыми черными пронизательными глазами. Последний раз я видела его бодрствующим после нескольких ночей и дней полета, он вошел свежий и улыбающийся как ангел, несмотря на перелет сквозь бурю. Он был готов танцевать или снова лететь. Он мог есть раз в день или не есть совсем, мог выпить целую бочку или оставаться несколько дней без капли воды. Его расписание зависело от бури в небе и урагана в сердце. Однажды он зашел ко мне в гостиницу и увидел, что я держу в руке стакан с водой.

– Так вот чего мне не хватало со вчерашнего дня! – воскликнул он. – Я же ничего не пил. Дайте мне попить.

Я протянула ему стакан воды и бутылку коньяку. Не раздумывая, он вылил себе в рот содержимое бутылки, затем воду. Он забыл, что и остальным тоже хочется пить. Он даже не извинился, так как ненавидел терять нить разговора. Это его ужасно раздражало. Если его прерывали на середине рассказа, он потом долго молчал и иногда весь вечер больше не раскрывал рта. Надо было бы сказать «всю ночь», так как у него было собственное представление о времени. Его посещения затягивались до завтрака, и он считал это совершенно естественным. Иногда его клонило в дрему, он засыпал где придется, и никто уже не мог его добудиться.

Однажды его привезли прямо с аэродрома. Он дал шоферу адрес, и тот привез его ко мне спящего, как доставляют посылки. В гостинице прислуга с усмешкой говорила мне:

– Ваш летчик уснул, его только что доставили: он спит! Он спит!

Ну и что прикажете с ним делать? Я уложила его на диване и попросила горничную присмотреть за ним, когда он проснется. А так как я дорожила своей репутацией, то оставила его в своем номере, а сама сняла другую комнату.

Этот не ведавший усталости человек был чувствителен к самым простым вещам. Например, он ненавидел утруждать себя, стряхивая пепел с сигареты в пепельницу, и даже если он сыпался ему на брюки, делал вид, что не замечает этого – только бы не прерывать разговора, а на одежду наплевать, гори она синим пламенем!

Я по-прежнему брела в одиночестве по улицам, мечтая о своем спящем летчике... Я была похожа на городскую сумасшедшую, которая бродит, натываясь на прохожих, я перестала замечать, куда иду, и вдруг какой-то человек схватил меня за руку и заорал прямо в ухо:

– Садитесь в машину! Садитесь же!

– Ах! Это вы, Тонио?

– Я везде вас ищу. Вы похожи на нищенку, бредете сгорбившись. Что вы потеряли?

– Похоже, я потеряла голову.

Он рассмеялся от всего сердца:

– Вас узнал мой шофер, я бы не смог. Почему вы такая грустная? Вас можно принять за сиротку.

– Да, я грущу, потому что у меня не хватает сил сбежать от вас. И похоже, я не хочу знать правду. Для вас я всего лишь мечта, вы любите играть с жизнью, вы ничего не боитесь, даже меня. Но запомните хорошенько, я не вещь, не кукла: мое лицо не меняется ежеминутно, я люблю каждый день сидеть на одном и том же месте, на своем стуле, и я прекрасно знаю, что вы любите уезжать и нигде подолгу не задерживаетесь. Если вы откровенно скажете мне, что ваше письмо, ваше признание – это эссе о любви, сказка, сон о любви, я не обижусь. Вы великий поэт, вы крылатый рыцарь, вы красивый, сильный, умный мужчина, вы не станете насмехаться над бедной девушкой вроде меня, у которой нет другого богатства, кроме ее души и ее жизни.

– Иначе говоря, вы считаете, что у меня слишком много достоинств, чтобы стать вашим мужем? – ответил он.

– Чтобы стать хорошим мужем – возможно, – задумчиво произнесла я.

– Ах, женщины, все вы одинаковы! Вы любите любовь в поэмах, на сцене театра. Вы любите любовь других, но переживать ее, любить всем сердцем – это совсем другое дело, это дается милостью божьей. Почему вы не верите в любовь? – Он с силой сжал мою руку. – Почему вы, такая молодая, так недоверчивы к жизни? Почему вы с такой горечью относитесь к радостям жизни?

– Сколько раз вы уже хотели жениться, Тонио? Сколько у вас было невест?

– Я вам расскажу. Это было один-единственный раз, в ранней юности. Я обручился с одной девушкой, она была парализована, лежала в гипсе. Доктор сказал, что, вероятно, она никогда больше не сможет ходить, но я играл с ней, я любил ее. Это была невеста моих игр и моих снов. У нее двигалась только голова над гипсом, и она рассказывала мне свои сны. Но она лгала мне. Она была обручена со всеми моими друзьями и каждому внушала, что только он ее настоящий жених. И все мы верили ей: только потом другие женились на девушках, которые могли ходить, и лишь я остался рядом с ней. И она полюбила меня за верность. А потом в ситуацию вмешались взрослые. Взрослые нашли ей другого жениха, гораздо богаче, и я плакал, да, я плакал... Я ничего не умел в жизни, меня призвали в армию. Я выбрал авиацию, я едва проходил по возрасту, мне пришлось творить чудеса... В Марокко мне покровительствовал командир полка. Домой я вернулся летчиком и с тех пор никогда не покидал авиацию, потому что я человек преданный. Я не забыл свою невесту, но впервые с тех пор я хочу жениться на другой.

– А ваши родители?

– Ах, моя мать – замечательная женщина. Я попрошу ее приехать на нашу свадьбу. Она все поймет.

– Но мои родные ждут меня в Сальвадоре. Я совсем недавно овдовела, а мы так недолго знакомы. К тому же я уже практически помолвлена с другом моего мужа. А вас всегда занимают только ваши полеты.

– Да нет же, нет, я не всегда летаю. Я вылетаю только тогда, когда все идет из рук вон плохо. У меня множество пилотов, которые летают по Южной Америке. Но если хотите, мы побываем в пунктах промежуточных посадок на маршруте Южная Америка – Франция. Парагвай, Патагония и еще дальше... Я построил аэродромы в маленьких деревеньках, но сейчас они уже нормально работают. Я останусь в Буэнос-Айресе, чтобы осуществлять общее руководство. Я буду писать. После «Южного почтового» я ничего пока не написал... Только письмо для вас на сорока страницах... Буду говорить, что я восхищаюсь вами, что я люблю вас... Каждый день я буду просить вас стать моей спутницей на всю жизнь. Вы мне нужны. Я знаю, что вы женщина, созданная специально для меня, клянусь вам.

– Я слишком растрогана... если бы я считала, что могу принести вам что-то хорошее, светлое, возможно, я решилась бы снова выйти замуж... но не так быстро... Тонио, вы уверены, что хотите взять меня в жены на всю жизнь?

– Консуэло, я хочу вас навечно. Я подумал обо всем. Вот телеграмма для моей матери. Я написал ее вчера. Я не могу оставить вас даже на день. Посмотрите на письма, которые я вам шлю каждый день: я просто люблю вас и не могу делать ничего другого... Если вы меня любите, я добьюсь того, чтобы вы носили знаменитое имя, не менее известное, чем у вашего мужа Гомеса Каррильо. Чем быть вдовой великого покойника, лучше стать женой живого человека, который будет защищать вас изо всех сил. Чтобы убедить вас, я только что написал вам письмо на сто страниц. Прошу вас, прочтите его, это ураган моего сердца, ураган моей жизни, который летит к вам издалека. Поверьте, до встречи с вами я был одинок в этом мире, лишен надежды. Из-за этого я и жил в пустыне, ремонтировал самолеты. У меня не было

женщины, надежды, цели... Меня позвали сюда, я вкалываю, зарабатываю много денег. У меня солидный счет в банке, ведь я откладываю уже двадцать шесть лет. Я живу в холостяцкой квартирке на улице Херемес – там есть только птицы и лишь изредка появляются люди. Я снял ее на неделю, да так там и остался. Я выполню свой долг по отношению к родным. Что же касается моей профессии, то вы сами прекрасно знаете, что она опасна, как и многие другие. Я даже не стал покупать зимнее пальто – боялся, что не доживу...

Я нравилась ему потому, что могла, как и он, если бы захотела, сама распоряжаться собой. Вдвоем мы могли бы создать абсолютно новый союз. Свободный.

Кремьё одобрил наш план:

– У вас будет очень насыщенная жизнь, не слушайте завистников, всегда идите вперед.

Мне же он доверительно сообщил:

– Он великий человек, заставьте его писать, и мир заговорит о вас обоих.

Через несколько дней Кремьё уехал.

В ресторане «Мюнхен» мой великий Тонио, одетый в светлый костюм, говорил, что не может уснуть. Что скоро мы поженимся, это вопрос нескольких дней. Приедет его мать. Для нашей будущей семьи уже был снят прекрасный дом в Тагле. Если я буду себя хорошо вести, говорил он мне, я могу переехать туда уже сейчас, не обращая внимания на мнение буэнос-айресского общества, потому что он станет моей жизнью, всей моей жизнью.

И я переехала в Тагле. Друзья собрались отпраздновать новоселье. Чтобы сыграть свадьбу, ждали только мою будущую свекровь. Рикардо постоянно давал концерты. Он приезжал к нам и щедро одарял нас своим талантом, который приводил Тонио в восхищение.

Домик оказался небольшим, но в нем была огромная терраса и небольшой уединенный кабинет, где я поставила бочонок портвейна с золотым краником, чучела животных, повесила на стену шкуру дикой ламы и свои рисунки. Наши друзья прозвали эту комнату спальней «анфан террибль».

Я была счастлива: «Когда ищешь внутри себя чудо, ты его находишь. Говоря языком христианки, когда ищешь божественное начало, в конце концов обретаешь его».

5

«Я не могу жениться вдали от родных»

– Куда это поставить, Тонио? – спросила я, увидев его чемоданы и полные бумаг ящики в холле нашего нового дома.

– Не важно. Можно в гараж, чтобы не загромождать дом. Все десять ящиков заколочены, к тому же они деревянные, так что с бумагами ничего не случится. Впрочем, я даже не помню, что там. Но это все мое богатство, дорогая. Я таскаю его с собой от одной посадки к другой. Каждый ящик – это промежуточная посадка, гостиница, где я останавливался, с тех пор как стал летать. Но я не всегда был летчиком, еще я был мастером по ремонту самолетов в Рио-де-Оро...¹² Тогда я был молод!

– Когда это было, Тонио?

– Три года назад. Время летит быстро, знаете ли. Месье Дора как-то вызвал меня к себе в кабинет. Месье Дора слов на ветер не бросал. Он действовал, думал, любил свою работу, потому что его работа помогала людям передвигаться. Месье Дора всегда будил в человеке лучшие чувства. Пилоты не слишком любили его, но хотели быть на него похожими... и я тоже! Я летал по маршруту – туда-сюда. Однажды в Тулузе он вызывает меня в свой кабинет. «Вы отправляетесь в Порт-Этьенн, вылет в три пятнадцать. Останетесь там на несколько месяцев, работа нетрудная, но мы слишком часто теряем самолеты». Я сказал Дора: «А как же моя семья?» – «Вы напишете им с самолета». – «А мои вещи, месье Дора?» – «Не берите слишком много, самолет и так перегружен почтой. Захватите бритву и зубную щетку. Там очень жарко – пятьдесят градусов в тени». Потом сказал очень громко: «Не опаздывайте. Следующий».

Вошел другой пилот. Я был вне себя. Ехать или не ехать? Я прекрасно знал, что, если я откажусь, меня уволят. Это будет конец моей летной карьеры. Я выкинул из головы все намеченные встречи. Спросил у своей совести: отказаться или согласиться? Отказаться было бы слишком просто. Я должен был согласиться. Я всегда мог сказать «нет» там, на месте, и вернуться. В конце концов, это же не каторга. Я написал матери, друзьям и в назначенное время был на аэродроме. Месье Дора, не говоря ни слова, отвез меня к самолету. Только рукой помахал, когда я уже поднялся в воздух.

На следующий вечер в Порт-Этьенне мы выпили кофе, съели шоколаду. У тамошнего радиста оказались хорошие запасы провизии. Я, как обычно, не привез ничего... Но что же вы стоите, дорогая! Давайте сядем на эти ящики, как в Порт-Этьенне! Дора высылал мне их один за другим, а я их там заколачивал. Все мое имущество было внутри. Но в Порт-Этьенне мне ничего из этого не пригодилось. Я ходил нагишом, разве что с полотенцем на голове во время долгих прогулок. Я брал с собой карабин, так как далеко отходить от ангара оказалось небезопасно. Мавры как были, так и остаются врагами христиан, но это самый чистый народ, какой я когда-либо встречал...

Мы вели с ними переговоры, полные хитростей и уловок, достойных «Тысячи и одной ночи», чтобы заполучить ангар. Они запросили у нас вес ангара в золоте, за это они бы позволили нам оборудовать там свою базу. Позже я узнал, что с ними всегда нужно соглашаться, а настоящую цену обсуждать потом. Они просили также тысячу верблюдов и тысячу рабов, вооруженных девятью тысячами карабинов, тонну сахара и чая! Естественно, мы согласились. В конце концов, после встречи с вождем племени, который нанес нам неофициальный визит в сопровождении двух слуг, вооруженных винтовками, мы подарили им мятую, от кото-

¹² Рио-де-Оро – название южной зоны Западной Сахары. (Прим. перев.)

рой они никогда не отказывались. Нам пришлось сесть на корточки, и так мы завоевали их доверие. Результат: сто песет, десять фунтов чая, столько же сахара; что же касается рабов, то мы бы купили их, если бы нашли, но это оказалось не так-то просто. Знаете ли вы, каким способом людей превращают в рабов?

– Нет.

– Вы не устали?

– Нет, я люблю ваши истории. Мне кажется, они неисчерпаемы...

– Ну так вот: мавры посылают своих доверенных людей купить чаю, сушеной мяты, сахару и винтовок. Те втираются в доверие к пастухам, которые стерегут стада, принадлежащие богатым торговцам коврами, медом или медью, и ведут себя очень дружелюбно. Пастухи поддаются на эти уловки, хотя прекрасно знают, что мавры, переодетые марокканцами, – это волки, которые могут сожрать и стадо, и самих пастухов. Но арабы любят риск. Так что мавр расставляет ловушку: «Пойдем со мной, ты же знаешь этот район. У меня небольшое стадо в таком-то месте, я доверю его тебе. Ты будешь моим другом».

И пастух запасается едой, прощается с женой и уходит... Оказавшись на своих землях, мавры будто случайно встречаются других мавров и говорят пастуху: «О! Мы сделаем из тебя прекрасного раба, ты крепкий, ты нам нравишься». На несколько дней его сажают в яму, на час в день извлекают оттуда, сажают туда другого раба, а первого в это время бьют кнутом... чтобы размялся. Дают ему стакан воды и сажают обратно в яму с коробкой на голове. После полнолуния совершают такой обряд: вытаскивают его из ямы, на этот раз никакого кнута, одевают во все новенькое, дают поспать, прекрасная рабыня делает ему массаж, она – его жена, и все вокруг обращаются с ним по-дружески. Теперь он может стать хорошим и верным рабом. Если он сбежит, в чем никто не сомневается, его поймают и в другом племени будут так же над ним измываться. После трех-четырех подобных обрядов даже самый закаленный человек становится хорошим рабом. Если он молод, жена господина становится его любовницей, и он подсыпает господину яд, чтобы сбежать с ней в другое племя...

– Да, есть разные способы делать людей рабами, даже в Библии, – сказала я. – Я бы хотела стать вашей рабыней, но по любви...

Тонио рассмеялся:

– Вы сами не понимаете, что говорите, девочка моя.

Посреди всех этих коробок он показался мне огромным, просто гигантом. Он обладал выносливостью мавра. Мы решили, что коробки отправятся в его кабинет на третьем этаже. Он переносил их, как другие носят книги. Без малейшего усилия. Я смутилась, мне казалось, что я недостойна его. Я должна была бы уже давно организовать этот переезд, чтобы он наконец почувствовал себя дома.

На следующий день, после того как он уехал на аэродром в пять часов, я начала открывать коробки. После трех дней адской работы у меня раскалывалась голова. Я не разрешала ему подниматься наверх, а на третий день объявила:

– Зайдите в свой кабинет.

– Ладно, раз вы так хотите, – рассеянно сказал он.

И вошел.

– Ох, никаких коробок! – воскликнул он и побагровел от гнева. – Кто рылся в моих вещах?

– Я.

– Вы, моя милая?

– Смотрите, на этом столе все сложено по порядку. Мне было нелегко. Взгляните. Основные документы здесь. Так же как и радиogramмы из полетов... К каждой стопке прикреплен листочек, все они собраны в папки, пронумерованные красными чернилами:

1. Письма женщин из Марокко.

2. Письма женщин из Франции.
3. Семейная переписка.
4. Деловые письма и старые телеграммы.
5. Заметки о полетах.
6. Неоконченные письма.
Литература помечена черными чернилами.
Черновики.
Заметки о страхе.
Семейные фотографии.
Фотографии городов.
Фотографии женщин.
Вырезки из старых газет.
А здесь я собрала:
Книги;
Тетради;
Судовые журналы;
Общие материалы;
Музыку;
Песни;
Фотоаппараты и линзы;
Картотечные ящики;
Альбом с коллажами.

А все мелочи и сувениры лежат в книжном шкафу. Коробки пусты. Клянусь вам, что ничего не пропало. Здесь в одной коробке остались конверты от нескольких писем и старые газеты. Я сделала все, что смогла, чтобы все ваши вещи были у вас под рукой.

– Да-да, а сейчас оставьте меня. Мне надо побыть одному. Я вам очень признателен. Я буду работать день и ночь над вашей книгой.

– Над вашей бурей, – уточнила я.

– Нет, она прошла. Я должен рассказать о ней, чтобы доставить вам удовольствие. Принесите мне чаю, я не буду ужинать. Я хочу остаться наедине со своими бумагами.

Я закрывала своего жениха в его кабинете, и только при условии, что он напишет пять или шесть страниц, он имел право прийти в спальню будущих супругов. Но не раньше. Ему нравилась эта игра.

Леон и его жена – наши слуги-чехи – часто расспрашивали меня о нашей свадьбе. Мать Тонио все не отвечала. Друзья из консульства сообщили нам, что семья Тонио собирает информацию о моем происхождении. Это известие впервые омрачило нашу совместную жизнь. Мне это не понравилось. Я нервничала, но не позволила ему уменьшить количество страниц. Он втянулся в работу и даже благодарил меня за строгость. Аргентинские друзья спрашивали наперебой: «Когда же свадьба?»

Двое друзей моего бывшего мужа приехали сообщить, что наше поведение возмутило весь Буэнос-Айрес. Что я не имею права оскорблять подобным образом память о Гомесе Каррильо. Я предоставила Тонио отвечать на эти выпады.

Мы назначили дату свадьбы. Когда она настала, мы пошли в мэрию расписаться. Я была довольна. Раз его мать не приехала, ладно, мы отложили до ее приезда венчание в церкви. В этом мы пришли к согласию, и друзья из дипмиссии поддержали нас. Мы сами себе хозяева. Оба мы оделись во все новое. После мэрии отправимся в ресторан «Мюнхен».

– Ваше имя? Ваш адрес? Сначала дама.

Я продиктовала свое имя и адрес. Потом настал черед Тонио. Он дрожал, глядя на меня со слезами, как ребенок. Я не могла этого вынести и крикнула:

– Нет, нет, не хочу выходить замуж за плачущего мужчину, нет!

Я потянула его за рукав, и мы как сумасшедшие выбежали из мэрии. Все было кончено. Я чувствовала, что сердце вот-вот выскочит из груди. Он взял меня за руки и произнес:

– Спасибо, спасибо, вы так добры, вы очень добры. Я не могу жениться вдали от родных. Моя мать скоро приедет.

– Да, Тонио, так будет лучше.

Мы больше не плакали.

– Пойдемте обедать.

Про себя я поклялась никогда больше не переступить порог этой мэрии. Я все еще дрожала. Мое приключение подходило к концу.

* * *

Домик в Тагле, который прежде наполняло пение птиц и наши мечты, погрузился в уныние. Я задыхалась. Друзья все реже приезжали навестить меня. Часами я просиживала, глядя на равнину перед домом – без единой мысли в голове, с разбитым сердцем. Я влюбилась в человека, который боится жениться. Он соблазнил меня, а теперь отдаляется...

Аргентинские друзья больше не приглашали меня к себе. В их глазах я была «веселой вдовой». Мой летчик выходил в свет в одиночестве. Я молилась. Я решила никогда больше не заговаривать с Тонио о нашей неудавшейся свадьбе. После того как он поблагодарил меня на пороге мэрии, он больше не возвращался к этой теме. Пути к отступлению у меня не было. Мне полагалась пенсия как вдове аргентинского дипломата, но я не решалась больше ни о чем просить друзей Гомеса Каррильо.

Я заперлась дома в Тагле. Тонио теперь почти не ужинал со мной. Я привыкла к тому, что, даже оставаясь в Буэнос-Айресе, он никогда не ел дома. Он возвращался вечером, чтобы переодеться и побриться, я сидела в будуаре, делая вид, что поглощена книгой или журналом. Он заглядывал попрощаться:

– До скорого, дорогая.

Виновато целовал меня и сбегал, не в силах унять дрожь.

Возвращался Тонио поздно ночью. Я ждала его. Я всегда была одета в длинное платье, улыбалась, будто готовилась отправиться на бал, заводила разговор о литературе, рассказывала истории из своей прошлой жизни... Мы вместе пили очень холодное шампанское. Он слегка расслаблялся, и, хотя меня томила печаль, я делала вид, что между нами все по-прежнему. Я говорила ему:

– Всего пять страниц бури сегодня вечером.

И он уходил к себе в кабинет.

– Отведите меня за руку, я не могу сам подняться по лестнице.

Он был как ребенок. Я усаживала его в кресло, целовала и шепотом повторяла на ухо:

– Пишите, пишите, это необходимо. Кремье говорил: «Нужно, чтобы он писал», – так что поторопитесь.

– Спасибо, спасибо, я буду писать, раз вы так настаиваете.

И наутро я находила несколько страниц, исписанных неразборчивым почерком, на небольшом письменном столе у себя в будуаре.

Он уезжал на работу, а я спала все утро. К трем-четырем часам дня я вставала с постели совершенно разбитая. Я ничего не ела. Леон говорил мне:

– Если мадам не будет кушать, мы с женой тоже откажемся от еды.

Однажды пришло приглашение на чай от одной из наших подруг, но она приглашала одного Тонио. Как обычно, он заехал домой переодеться и побриться. Мое сердце не выдержало. Я попросила его остаться со мной, но он отказался.

– Я договорился потом поужинать с друзьями.

Я оделась во все черное и, обезумев от горя, побрела по улицам куда глаза глядят. Я проклинала себя, встречая свое отражение в витринах. Неожиданно передо мной остановился молодой человек. Большой поклонник Гомеса Каррильо.

– Консуэло, ты одна?

– Да, Луисито.

– Пошли со мной.

– Куда?

– В гости на чашку чая.

– Но меня не приглашали.

– Это у моей тети, пошли скорей.

Меня приняли с распростертыми объятиями, однако без шуточек не обошлось. Дружеская поддержка вернула мне былую смелость. Внезапно я почувствовала себя прекрасно вдали от своего летчика-донжуана, с его историями о приключениях в пустыне. Я объявила, что уезжаю первым же рейсом, неотложные дела призывают меня в Париж.

В дом вернулись цветы и друзья Энрике. Они осыпали меня любезностями. Меня снова стали приглашать повсюду. А летчик оставался в одиночестве дома в Тагле, ожидая свою мамушку.

Я взяла билет на ближайший теплоход.

– Когда появится ваша маменька, – заявила я Тонио, – объясните ей, что у меня дела в Париже. Меня ждет Люсьен, я выхожу за него замуж. Это судьба.

Он не ответил. Дни текли быстро, я приглашала друзей, ходила в кино, бесцельно гуляла по улицам. Наконец я оказалась на борту теплохода, который увозил меня с моим разбитым сердцем во Францию. Моя каюта была полна цветов. Друзья поняли мою печаль.

Я заснула еще до того, как судно отчалило. Когда я проснулась, мы уже были в открытом море. Офицер принес мне телеграмму. От Сент-Экзюпери. Он сообщал, что летит над кораблем... Время от времени будет подавать мне знаки. Я была ни жива ни мертва от страха.

Я не выходила из каюты до самого Рио-де-Жанейро, где встретила со своим учителем и другом Альфонсо Рейесом¹³. Мать Тонио находилась на другом корабле, стоявшем на якоре уже несколько часов. Мне не хотелось в ней пересекаться.

После восемнадцати дней плавания – наконец-то Гавр, таможня, моя квартира на улице Каstellлан. Я снова в Париже. Когда я спросила консьержку, она ответила, что Люсьен не заходил ни разу. Где он? В дверь постучали: это оказался Люсьен собственной персоной. И тут же зазвонил телефон. Я сняла трубку, даже не успев поприветствовать Люсьена:

– Алло?

– Вас вызывает Буэнос-Айрес, не кладите трубку.

Затем:

– Это я, Тонио. Дорогая, я отплываю первым же рейсом, чтобы догнать вас, чтобы жениться на вас.

– Послушайте, ко мне пришли.

– Люсьен?

– Да.

– Ладно, гоните его в шею, я не хочу, чтобы вы с ним виделись. Я привезу вам пуму.

– Что?

– Пуму. Я сойду на берег в Испании, чтобы увидеть вас поскорее. Сейчас же выезжайте в Испанию. Поезда отвратительны, отдохните в Мадриде и ждите меня в Альмерии.

¹³ Альфонсо Рейес (1889–1959) – знаменитый мексиканский писатель, сильно повлиявший на духовную, интеллектуальную жизнь Мексики.

– Извините, я уже сказала вам, что ко мне пришли.

Такие разговоры повторялись изо дня в день. Потом я сдалась, потому что однажды он сказал мне:

– С вашего отъезда наш слуга Леон не просыхает, рис недоварен, и у меня украли белье. Я приеду за вами, чтобы жениться на вас в любой стране мира... а вы приготовите мне очаровательную спальню, но без золотого бочонка... потому что у меня его украли. Я больше не пишу. Моя мать плачет от горя, потому что я в отчаянии. Наша недолгая разлука довела меня до безумия.

Я любила его. Но понимала, насколько спокойнее моя жизнь без него. Как вдова Гомеса Каррильо я располагала солидной рентой, и если я выйду замуж, то я ее потеряю. Мне нужно было много сделать, чтобы уладить свои дела, серьезно все обдумать, но каждый телефонный звонок из Буэнос-Айреса – из дома в Тагле – сводил меня с ума. Так что однажды я уступила: «Хорошо, встретимся в Альмерии».

* * *

Я уехала, не предупредив Люсьена, который вел себя отвратительно. Свою собаку я оставила секретарше, которая уверяла, что безумно ее любит... так же как и мою машину. Все вернулось на круги своя.

* * *

Я очень хорошо помню маленький местный поезд, горячие кирпичи и медные емкости, наполненные горячей водой, чтобы пассажиры могли согреться. Кто-то в купе играл на гитаре. Под перестук колес я слушала припев: «*Porque yo te quiero, porque yo te quiero!*»¹⁴, и я ехала к своему Тонию, повторяя про себя: «*Porque yo te quiero!*»

Мадрид, потом Альмерия, день его прибытия. Я подъехала к кораблю на весельной лодке со специальным разрешением. Корабль потерпел аварию – сломался винт, и высадка откладывалась на несколько дней. Я попросила объявить о себе, раздался крик: «Жена летчика Сент-Экзюпери». Он услышал и, оставив на борту мать с пумой, бросился в мои объятия. Он объявил, что его с матерью ждут в Марселе. Что вся семья ждет их там. Но он не хотел знакомить нас тут же. Нам так много надо друг другу сказать, объяснил он... Его мать намекнула, что брак с иностранкой шокирует старших представителей семейства. Но заключила: «Все уладится, надо только подождать!»

Она вела себя с ним очень дипломатично. Понимала, что он большой ребенок и что, если его наказывать, он сбежит навсегда...

– Я не хочу ссориться с мамой, понимаешь?¹⁵ Я потихоньку сойду на берег в Альмерии, мы купим подержанную машину с шофером и за наш медовый месяц проедем всю Испанию.

Я была согласна на все.

Валенсия... постоянные дворы... наш смех... наша молодость...

¹⁴ «Потому что я люблю тебя, потому что я люблю тебя!» (исп.)

¹⁵ С этого момента Сент-Экзюпери и Консуэло чередуют обращение на «ты» и на «вы», в тексте это сохранено.

6

«Консуэло, эта опереточная графиня...»

Антуан и вправду не был похож на других. Я все время повторяла себе, что сошла с ума, связавшись с ним. У меня есть дом во Франции, состояние, унаследованное благодаря щедрости моего мужа, так зачем же изводить себя? Все было так просто. В Париже у меня много друзей, к тому же, откажись я выйти замуж за Тонио, я бы сохранила свое состояние, потому что Гомес Каррильо был обеспеченным человеком, его книги публиковались в Испании и Париже: если бы я сохранила его имя, я бы не знала забот.

Но я продолжала мечтать о Тонио. Я уже продумала нашу жизнь. Мы будем жить в моем доме на юге – в Мирадоре, последнем пристанище Гомеса Каррильо. Тонио закончит книгу, и потом мы поедем в Италию, в Африку, в Китай. Он снова будет летать, работать на компании «Аэро-Ориент»... Планы роились в моей голове.

Мы с ним ни словом не обмолвились о снедавшей нас тоске. В каждой деревне, которую мы проезжали, Тонио преподносил мне подарок.

– Я хочу, чтобы вы все потеряли. Я бы сам тогда дарил бы вам все, что ни пожелаете.

Он похудел, казалось, он страдает. В первый вечер, оказавшись вместе, мы так и не смогли уехать из Альмерии. Слишком сильны были наши чувства, обостренные сомнениями и болью.

– Я хочу задать вам только один вопрос, – шептал побледневший Тонио, дрожа от нежности и беспокойства. – Я не спал последние ночи, вы знаете, я никогда не жаловался на бессонницу, только в эти последние часы, отделявшие меня от вас. Моя пума на пароходе маялась, я не очень хорошо кормил ее, и она пыталась укусить матроса, ее, скорее всего, усыпят. Но я был еще несчастнее. Я не мог думать ни о чем, кроме вашего лица, вашей манеры говорить. Прошу вас, поговорите со мной, почему вы все время молчите? Вам кажется, что я недостаточно страдал? Телефоны в Буэнос-Айресе – это настоящая пытка, а вы никак не желали говорить громче, отчетливее. Почему? У вас все время кто-то был? Какой же я болван, зачем я теряю время, жалуясь на свои несчастья, ведь теперь я обрел вас и никто в мире не сможет нас разлучить. Ведь так?

– Да, Тонио, любовь – это как вера. Я уехала, потому что у вас не было веры в меня. К тому же ваши родные начали наводить обо мне справки. Понимаете, это ужасно меня оскорбило.

– Я все объясню, девочка моя. В Провансе, где живет моя семья, люди из поколения в поколение женятся на женщинах своего круга. Новое лицо, иностранка – это для них как землетрясение... и они хотели получить информацию, чтобы успокоиться... В Париже часто случается, что молодой человек из хорошей семьи женится на богатой американке. Но в Провансе – пока еще нет, мы живем по старинке. Моя драгоценная мамочка совсем потеряла голову и заставила нас немного подождать. Вот и все, и я счастлив, что вы отреагировали именно так. Если бы вы не уехали, моя мать обвинила бы нас в Буэнос-Айресе, и мне бы было не по себе. Я так и не понял, что произошло со мной тогда в мэрии. Я сказал себе: это на всю жизнь, но я не уверен, что смогу сделать ее счастливой. Раз она хочет уехать, пусть уезжает, пусть она берет на себя ответственность за разрыв, и даже лучше, что так случилось, убеждал я себя, тогда мне как раз надо было уладить непростые дела с компанией «Аэропосталь». Я подписывал чеки, не имея представления, за что плачу, а моя драгоценная маменька безмятежно совершала свой круиз... Так что вы бросили меня, и я был счастлив. Да, потому что вы доказали мне, что можете идти по жизни собственным путем! Я чувствовал, что вы печальная, и сильная, и такая красивая, и мне хотелось посмотреть, на что вы

способны. Но я не планировал этого. Когда вы по-настоящему уехали, я готов был утопиться, да, утопиться. Моя матушка может рассказать вам о нашем пребывании в Парагвае, на озере в окрестностях Асунсьона. Я не раскрывал рта. Я считал часы, ожидая корабля, на котором мог бы вас догнать. Я бы похитил вас в любом случае, даже если бы вы не приехали в Альмерию, даже если бы вы вышли замуж за Люсьена. Но скажите же мне, что я вам тоже нужен.

– Ах, Тонио, правда в том, что я здесь, хотя я уже помирилась с Люсьеном. Я рассказала ему всю нашу историю, все свои страдания, он утешил меня, пообещал, что заставит меня вас забыть. И вот теперь я уехала из Парижа, не сказав ему ни слова. Из Мадрида я отправила ему телеграмму, меня мучили угрызения совести. Я уж и не помню, что ему написала.

– Не волнуйтесь, не думайте ни о чем, что не имеет отношения к нам двоим.

– Но он тоже человек, он страдает.

– Не беспокойтесь, я схожу к нему, объясню, что мы с вами оба безумцы, опасные сумасшедшие, спятившие от любви. И что он, господи боже мой, навсегда останется вашим старинным другом. Я не в обиде на него за то, что он любит вас. Весь мир должен любить вас! Я заберу вашу собаку и вашу машину, ваши документы. Обещайте мне, что мы никогда больше не будем говорить о нем, никогда. Я все устрою так, что вы об этом даже не узнаете.

– Хорошо, Тонио, я навсегда доверяю вам свою жизнь, навсегда.

Мы прожили в гостинице в Альмерии довольно долго. Тонио решил нанять такси, на котором мы могли бы ездить по городу, а потом пересечь всю Испанию. Он не хотел сам вести машину, так мы оказались бы, говорил он, слишком далеко друг от друга. Апельсиновые деревья Валенсии, деревеньки на белых скалах, места, где он побывал в юности, – все это он хотел мне показать.

Он смеялся как большой ребенок. Шофер чуть с ума не сошел от наших разговоров по-французски.

В конце концов пришлось вернуться во Францию – из-за моей собаки, из-за Люсьена, из-за родных Тонио. Он хотел задержаться еще на несколько дней. Но я боялась слишком надолго отрывать его от семьи, они ждали его, не знали, где он.

В Мирадоре мы были счастливы. Ничто не нарушало нашего спокойствия. Разве что слишком сильный запах мимозы. Мы не решились сжечь цветы и поэтому беспрестанно чихали. Ах, мимоза и пестрые платки!

Я снова стала невестой, которая не ждет свадьбы... Мы говорили друг другу, что не повторим ошибки людей, которые быстро начинают ненавидеть друг друга, потому что их поженили насильно или они обвенчались, чтобы доставить удовольствие родителям. И Тонио добавлял:

– Вы моя свобода. Вы земля, на которой я хочу прожить всю жизнь. Законы – это мы сами.

Однако Агей находился всего в часе езды от Мирадора. Агей – поместье зятя Тонио, где жила его сестра Диди. Она приехала к нам в гости. Они вдвоем часами гуляли по саду, а я сидела дома в кресле и ждала.

– Прошу вас, будущая новобрачная, – сказал Тонио, – читайте, не ждите нас. Беседа, посвященная вам, бесконечна... Только ваше исчезновение может положить ей конец, так что пойте, читайте, работайте!

Однажды Диди сообщила нам, что одна из их кузин уже выехала, чтобы повидать Тонио и познакомиться с его будущей супругой. Я забеспокоилась. Что это еще за кузина?

– Герцогиня, – пояснил мне Тонио.

– Нет, Тонио, я не поеду. Давайте вы повидаетесь с ней без меня.

– Знаете, она ведь приедет с Андре Жидом.

– Да?

– Андре Жид – ее близкий друг. Он хочет со мной поговорить. Поедьте со мной.

И я решила присутствовать при встрече со старым писателем и кузиной, так как она явно решила познакомить Тонио с какой-нибудь богачкой. Господи боже, сколько всего предстояло понять и пережить бедной девушке из страны вулканов! Я не знала, как ведут себя герцогини, и не подозревала, какие интриги могут сплести родственники, чтобы расстроить свадьбу... Андре Жид действительно приехал в Агей вместе с кузиной. У него был сладкий – иногда до приторности – голос женщины, потрепанной невзгодами, с нерастроченным запасом любви. Кузина не представляла собой ничего особенного – элегантная дама на красивой машине. Со мной она была исключительно – порой чрезмерно – любезна. И только мать Тонио отнеслась ко мне по-дружески, она была внимательна и полна сочувствия. Я выдержала экзамен. Впрочем, во время обеда я поперхнулась, парикмахер слишком сильно завил мне волосы, я потела, с трудом переваривала пищу и вдобавок разлила вино на брюки Тонио... Больше я ничего не помню. Сильнейшая мигрень стерла из памяти лица друзей и гостей, и я в полной меланхолии заперлась в Мирадоре. Я слышала, как Тонио мечется по дому, словно пума в клетке... Однако же он начал осваиваться в Мирадоре – уходил, возвращался, уезжал снова...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.